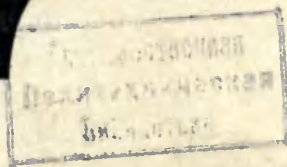

ВОЙНА

*и
Рабочий класс*

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ

7

СЕНТЯБРЬ
1943

ВОЙНА *и Рабочий класс*

**ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ**

7

1 СЕНТЯБРЯ 1943 г.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ТРУД“
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ	3
Генерал-майор М. ГАЛАКТИОНОВ — Каково же действительное положение?	5
М. ФАЛИН — К предстоящему Конгрессу британских тред-юнионов	8
О. КУУСИНЕН — Финляндия без маски . . .	12
Н. ВАСИЛЬЕВ — Кому на пользу нейтралитет Турции?	17
К. РУМЯНЦЕВ — События в Италии	22
Л. ВОЛЫНСКИЙ — АМГОТ	24
Из международной жизни (заметки)	27
Н. СОЛОДОВНИК — Шесть дней на Мальте (путевые заметки)	29
Хроника международных событий	32

ктор — А. ДАНИЛОВ.

Переход в наступление

Август 1943 года войдёт в историю Великой отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков как месяц крупных успехов советского оружия. Красная Армия в ожесточённых боях нанесла немецко-фашистским войскам ряд сокрушительных ударов. Советское знамя вновь взвилось над Орлом, Белгородом, Харьковом, Таганрогом, над десятками городов, сотнями населённых пунктов. Август был также месяцем боевых успехов союзных войск в Сицилии, где одержана замечательная победа над нашим общим врагом.

Давно ли гитлеровцы бахвалились, что лето является «сезоном немецких побед»? Где теперь эта легенда, созданная лживой немецкой саморекламой? Эта легенда в той же могиле, куда ещё раньше попали разрушенные Красной Армией легенды о «непобедимости» гитлеровской военной машины, о «молниеносной войне» и «молниеносной победе».

Третье наступление Гитлера против Красной Армии, начатое 5 июля 1943 года, провалилось полностью. С этим наступлением германское командование связывало далеко идущие планы и расчёты. В приказе Гитлера, изданном накануне наступления, говорилось, что «германская армия переходит к генеральному наступлению на Восточном фронте», что немецкие войска нанесут удар, который «должен иметь решающее значение и послужить поворотным пунктом в ходе войны», и что «это — последнее сражение за победу Германии».

Для этого «решающего наступления» Гитлер не пожалел сил и средств. Стремясь завладеть Курским выступом и таким образом подготовить условия для наступления с Орловского плацдарма на Москву, Гитлер сосредоточил на узком участке фронта 38 дивизий, в том числе 17 танковых. Но тщетны

были все усилия германского командования, тщетным оказалось слепое упорство немецко-фашистских войск. Натиск врага встретил стальную стену сопротивления Красной Армии. Немцы не добились не только оперативных, но даже тактических успехов. Небольшое продвижение немецких войск в первые дни наступления было вскоре же остановлено Красной Армией. Уже к 17 июля советские войска на Орловско-Курском направлении полностью восстановили положение, которое они занимали до начала «решающего наступления» Гитлера. На Белгородском направлении советские войска добились того же результата к 23 июля.

В нынешнем году впервые с начала войны в Европе попытка немецкого наступления потерпела столь позорный крах. Вместе с тем провалились расчёты германского командования, связанные с этим наступлением. Но Красная Армия не ограничилась тем, что она сорвала летнее наступление Гитлера: Красная Армия сама перешла в наступление против ненавистного врага. В упорных кровопролитных боях советские войска ликвидировали Орловский плацдарм противника, который немцы рассматривали временно как базу для нанесения удара на Москву и как бастион немецкой обороны на центральном участке советско-германского фронта. 5 августа, т. е. ровно через месяц после начала наступательной авантюры Гитлера, Красная Армия, слолив упорное сопротивление противника, овладела Орлом и Белгородом.

Успешно развивая наступление на Брянском и Харьковском направлениях, Красная Армия нанесла врагу ряд ударов. Советские войска освободили от немецко-фашистских захватчиков города Кромы, Золочев, Грайворон, Борисовка, Богодухов, Тростянец, Ахтырка, Краснокутск, Дмитровск-Орловский, Чугуев, Спас-Деменск, Карачев, Жиздра, Змиев, Лебедин и ряд других.

Датой блестящей победы Красной Армии войдёт в календарь войны день 23 августа. В этот день советские войска в результате ожесточённых боёв сломили сопротивление противника и штурмом взяли город Харьков — вторую столицу Украины. Освобождение Харькова от немецко-фашистских захватчиков является событием большого значения. Пусть гитлеровские брехуны, пытаясь скроить хорошую мину при плохой игре, издадут нечленораздельные звуки насчёт того, что Харьков якобы потерял для них своё значение. Кто не помнит хвастливых заявлений насчёт действительного значения Харькова, которые исходили от немецкого командования в течение долгих месяцев хозяйничанья гитлеровцев в этом городе? Гитлеровские стратеги неоднократно называли Харьков «воротами Украины», «замком Донбасса» и т. д., подчёркивая его выдающуюся стратегическую ценность в качестве крупнейшего железнодорожного узла и военной базы.

Неделю спустя после изгнания немецких оккупантов из Харькова Красная Армия вызволила из немецко-фашистской неволи Таганрог. Эта новая победа советского оружия представляет собой следующий шаг на пути поражений германской армии, получающей удар за ударом от советских войск. Гитлеровские войска вынуждены откатываться все дальше и дальше под ударами Красной Армии. Последние дни августа ознаменованы освобождением от немецких оккупантов Ельни, Рыльского и Глухова.

Успешное наступление советских войск летом нынешнего года является фактором, вносящим серьёзные изменения в современную международную обстановку. Оно ярко свидетельствует о коренном изменении в соотношении сил борющихся лагерей, которое произошло в ходе войны. Силы Советского Союза и его союзников возросли. Силы гитлеровской Германии и её вассалов ослаблены. В свою очередь нынешнее наступление Красной Армии ведёт к дальнейшему ослаблению врага, к дальнейшему изменению соотношения сил в пользу антигитлеровской коалиции.

Под ударами советских войск гитлеров-

ская армия понесла новые крупные потери. За время летних боёв, с 5 июля по 20 августа, немцы потеряли только убитыми 300 тысяч солдат и офицеров. Потери немцев убитыми и ранеными составили не менее миллиона солдат и офицеров. Более 25 тысяч немецких солдат и офицеров взято в плен советскими войсками. За это же время наши войска уничтожили 4600 самолётов противника, 6400 танков, 3800 орудий, более 20 тысяч автомашин. Наши войска захватили 857 танков, 1274 орудия, 3429 пулемётов, 4230 машин.

Поражения гитлеровских войск на советско-германском фронте ухудшили положение гитлеровской Германии. «Август был чёрным месяцем нашей дивизии», — заявил пленный солдат 168-й немецкой пехотной дивизии Рудольф Гольф. Август был чёрным месяцем для многих и многих немецких дивизий. Для того чтобы следующие недели стали чёрными неделями для всей гитлеровской армии и для всей гитлеровской Германии, требуется лишь одно: необходимо, чтобы удар по немецко-фашистской военной машине с Востока был поддержан серьёзным ударом по гитлеровской военной мощи с Запада.

Голоса людей, понимающих эту неотложную необходимость, раздаются и в печати наших союзников. Говоря о победе Красной Армии в сражении за Харьков, английская газета «Ивнинг стандарт» в редакционной статье писала: «Впервые немецкое летнее наступление полностью провалилось, впервые русские начали и развивают крупное наступление летом... Мы также можем использовать эту победу, если нанесём удар с такой силой и в таких пунктах, что немцы окажутся перед выбором — либо потерпеть окончательное поражение на Востоке, либо допустить наше успешное вторжение на Западе. Совместные военные действия могут сейчас обеспечить конечную победу и ускорить её!»

Красная Армия с честью выполняет свои задачи. Чтобы не допустить затяжки войны, армии наших союзников на Западе также должны безотлагательно выполнить свои задачи и обязанности.

Каково же действительное положение?

(По поводу высказываний Болдуина)

Генерал-майор М. ГАЛАКТИОНОВ

Летом 1943 года, как и в течение двух предшествующих лет, крупнейшие военные операции и сражения происходят на советско-германском фронте. В июле шла титаническая битва по обеим сторонам Курского выступа, битва, завершившаяся блестящей победой Красной Армии. План немецкого летнего наступления 1943 года провалился. Красная Армия, перейдя в наступление, овладела Орловским плацдармом, Белгородом, Харьковом и Таганрогом. Наступление советских войск успешно развивается. На опротивленном фронте идёт ожесточённое сражение.

Наши союзники в течение лета вели десантные операции на Сицилии, ныне завершившиеся полным овладением островом. Они продолжают воздушные бомбардировки Германии, Италии и некоторых районов, оккупированных немцами.

Такова общая картина боевых действий, происходивших в Европе в течение лета. Задача военного обзора — дать им правильную оценку с целью уяснить стратегическую обстановку в целом и сделать выводы. Важнейшее условие при этом — точное изложение фактов. Этому основному — с нашей военной точки зрения — условию не удовлетворяют статьи военного обозревателя Болдуина, появившиеся в августе в американской газете «Нью-Йорк таймс». На политической враждебности к Советскому Союзу этих статей Болдуина мы уже не считаем нужным здесь останавливаться.

Признавая советский фронт «величайшим и важнейшим в Европе», Болдуин считает, что операции в Сицилии являются вторым фронтом, война в воздухе над Западной Европой — третьим фронтом. Если сводить дело к арифметике, без учёта действительного стратегического значения военных операций, то такое перечисление можно было бы продолжить дальше и сказать: подводная война, например, — четвёртый фронт и т. д.

Заняв такую позицию, Болдуин заявляет, что Советский Союз, не признавая наличия в Европе второго и третьего фронтов, тем самым недооценивает военные усилия

Англии и США. «Советский Союз, — пишет обозреватель «Нью-Йорк таймс», — проводит сейчас наступление не только благодаря мощи самой Красной Армии, но и потому, что англичане и американцы создали два других фронта и угрожают создать новые фронты. Если бы Германия могла свободно сосредоточить все свои силы против СССР, последний, по всей вероятности, был бы обречён на гибель».

Такова концепция Болдуина. Выходит, что не только существует в Европе «второй» и даже «третий» фронт, но и советский-то фронт держится только благодаря наличию этих фронтов; без них Красная Армия не смогла бы перейти в наступление.

Обратимся к фактам.

Вспомним 1941 год. В тот момент, когда Германия напала на Советский Союз, у Англии не было достаточных сил даже для обороны островов в случае высадки немцев; Соединённые Штаты вообще ещё не вступили в войну. Красная Армия была вынуждена отступать перед превосходящими силами врага. Многие тогда пророчили ей гибель, в числе их был и сам Болдуин, писавший в своих обзорах, что Красной Армии не выдержать натиска превосходно организованной германской армии, обладавшей решительным преимуществом в танках и авиации. Красная Армия отбилась, однако, своими собственными силами и разбила немцев под Москвой в 1941 году.

Каково значение этого факта для хода всей второй мировой войны, хорошо известно: Красная Армия спасла общесоюзное дело и обеспечила время для создания вооружённых сил Великобритании и США. Приведём выдержку из публикации, озаглавленной «Соединённые Штаты в войне», выпущенной в январе 1942 года известной «Ассоциацией иностранной политики» (Нью-Йорк):

«В конце 1941 года ни Британия, ни США, ни оба этих государства вместе не могли выставить на поле сражения сухопутную армию, равную немецкой. Сопровождение Красной Армии разрушило легенду о германской непобедимости: русские доказали, что они имеют не только хоро-

шие вооружённые силы со способным командованием, но и материальную часть, которая в состоянии выдержать состязание с немецкой».

Известно, при какой тяжёлой обстановке вступили в войну Соединённые Штаты Америки в декабре 1941 года и насколько решающее значение тогда имел тот факт, что немецкая армия целиком была прикована к советско-германскому фронту.

В 1942 году Красная Армия снова вела тяжёлую борьбу один на один с гитлеровской Германией и её союзниками. Она опять-таки отстояла себя своими собственными силами. Бессмертный Сталинград увенчал её доблестную борьбу. Основные силы Германии и в 1942 году были сосредоточены на советском фронте. Она оказалась в состоянии выделить всего лишь несколько дивизий на африканский театр. Из-за недостатка резервов Роммель был вынужден остановить своё наступление на Египет. Располагавшие временем для подготовки вооружённых сил и свободой действий, союзники весьма успешно осуществили высадку в Северной Африке. Начались наступательные операции английских и американских сил, завершившиеся полным очищением от итало-немецких войск африканского континента. Возникает вопрос, удалось ли бы нашим союзникам так успешно осуществить эти операции, если бы Германия имела возможность перебросить с советско-германского фронта, скажем, 20—30 дивизий для действий в Африке. Ясно, что нет. Всё дело в том, что и на этот раз германские вооружённые силы были прикованы к советско-германскому фронту. Здесь же была разгромлена и итальянская экспедиционная армия, состоявшая из лучших дивизий Муссолини. Факты эти общеизвестны, и сама «Нью-Йорк таймс» писала, например, в конце ноября 1942 года, что советская победа свидетельствует о том, что Гитлеру угрожает серьёзная опасность, если он попытается перебросить свои войска с Восточного фронта, что ресурсы Гитлера чрезвычайно напряжены и т. д.

Перейдём теперь к десантным операциям на Сицилии нынешнего года, которые, по Болдуину, будто бы являются вторым фронтом. Не очевидно ли, однако, что самая возможность этих операций в весьма большой степени была создана тяжёлой борьбой Красной Армии, её замечательными победами в неслыханно тяжёлых зимних условиях. Нельзя об этом забывать. Наши военные

круги уделяли должное внимание операциям в Сицилии. Наша пресса давала о них систематическую информацию, помещала обзоры военных действий. Но она с полным основанием считала и считает, что это, конечно, не второй фронт. Что следует понимать под выражением «второй фронт», хорошо известно. Известно это и Болдуину. Недаром же он приводит в своём обзоре цифру германских дивизий — свыше 200, — прикованных в настоящее время к советскому фронту, говоря, что это $\frac{3}{5}$ германской армии. Здесь, правда, есть ошибка уже и в арифметике. В самом деле, если в Западной Европе примерно около 50 немецких дивизий, то очевидно, что на советском фронте находится гораздо больше, чем $\frac{3}{5}$ всего числа немецких дивизий. Но дело не только в этих цифрах; надо обратить внимание и на другие цифры. В 1942 году на советско-германском фронте имелось около 180 немецких дивизий. Если бы второй фронт тогда или в этом году действительно был создан, он должен был отвлечь с советско-германского фронта, по крайней мере, 60 дивизий из этого числа — 180 дивизий. Второго фронта создано не было, и число немецких сил на Восточном фронте перед наступлением летом 1943 г. возросло до 211 дивизий. Операции союзников в Сицилии имеют, разумеется, важное значение, но приведённые цифры наглядно показывают, что вторым фронтом эти операции отнюдь не являются. Это видно уже из одного того факта, что эти операции не только не отвлекли ни одной дивизии с нашего фронта, но и больше того: они не помешали Гитлеру значительно увеличить число дивизий на советско-германском фронте. Красная Армия ведёт борьбу теперь с большим числом немецких дивизий чем в 1942 году, и это лучшие дивизии, оставшиеся ещё у немцев. И, тем не менее, Красная Армия не только отразила летнее немецкое наступление, но и сама ведёт успешное наступление, одерживая победы.

Остановимся и на третьем фронте Болдуина, т. е. на воздушном фронте. Здесь следует начать с одного вопроса, который встречается и в других обзорах, как например в недавней статье обозревателя американского газетного треста Скриппс-Говарда Симмса. Речь идёт о налёте американских бомбардировщиков на Плоешти (Румыния) в августе. Указав на потери, понесённые

американской авиацией в этом налёте, оба обозревателя объясняют эти потери отдалённостью африканских баз от Румынии. Налёты было бы удобнее производить с черноморских баз, но русские — заявляют Болдуин и Симмс — отказываются предоставить союзникам эти базы. После этого Симмс без стеснения пускает в ход ложное заявление, будто русские упорно противятся тому, чтобы «английские или американские войска сражались бок о бок с Красной Армией». Дальше Симмс допускает и такие утверждения, что будто бы, когда немцы стали прорываться через кавказский барьер, русское командование отклонило «английское предложение оказать ему помощь войсками в Закавказье». Симмс, как и Болдуин, впрочем, ничем не подтверждает своих произвольных утверждений. Поэтому лучше и в данном случае не заниматься измышлениями, а разобраться в фактах.

Факты, во-первых, говорят о том, что только в одном случае авиация наших союзников помогла непосредственно советской армии и советской авиации на фронте борьбы с гитлеровской Германией. Таким было участие небольшой группы английской авиации в районе Мурманска осенью 1941 года. Как известно из печати, наиболее отличившиеся тогда английские лётчики были награждены советскими орденами за свои славные боевые дела. Факты говорят также о том, что ни английская, ни американская авиация не участвовала ни в каких других боевых действиях на нашем фронте, — и во всяком случае не участвовала не потому, что кто-нибудь в Советском Союзе мешал этому. Больше того. Несмотря на неоднократные предложения с советской стороны, союзники, вопреки утверждению Болдуина и ему подобных, ни разу не выразили желания держать свои войска бок о бок с нашей армией и авиацией на советско-германском фронте. Если же осенью прошлого года делалось предложение расположить союзную авиацию в Баку и Тбилиси, где не существовало фронта и не могло быть никаких боёв с немцами, то разве не ясно, что правильнее было бы расположить её где-либо поближе к фронту, на Северном Кавказе или на Центральном советско-германском фронте, где она была бы в состоянии помочь нашим войскам, от чего, однако, уклонились авторы вышеупомянутого предложения.

Или возьмём такой пример, как предложе-

ние увести советские войска со всего Закавказья и направить эти войска для боёв на советско-германский фронт с тем, чтобы в Закавказье были введены другие, то есть пришлые, несоветские войска вместо советских войск. Можно ли, в самом деле, рассматривать такое предложение, как желание биться бок о бок с советскими войсками?

Когда теперь и Болдуин и Симмс странным образом ограничивают помощь союзников использованием советских баз только для налётов союзной авиации на тылы противника, то этим они выдают себя с головой и подчёркивают, как мало их интересует участие союзной авиации в боях на советско-германском фронте, где наша армия и наша авиация теперь, как и раньше, выносят на себе всю тяжесть борьбы с главными силами нашего общего врага.

Таким образом, факты и здесь опрокидывают рассуждения Болдуина и Симмса.

Мы подробно остановились на этих рассуждениях Болдуина, чтобы показать, что они ничем не подкрепляют заявления Болдуина, будто воздушный фронт союзников над Западной Европой является «третьим фронтом». Болдуину может нравиться поиграть такими словечками, как «второй фронт» или даже «третий фронт». Но воздушные бомбардировки так же, как и другие военные операции союзников, при всём их важном значении, как известно, не заставили снять хотя бы одну немецкую дивизию с нашего фронта. Больше того. Главные воздушные силы Гитлера оставались и продолжают оставаться на советско-германском фронте. Поэтому воздушные бомбардировки союзной авиации в Европе никак не заменяют второго фронта в Европе, относительно которого обязательства союзников всё ещё ждут своего выполнения.

Что же остаётся от тезиса Болдуина, по которому Красная Армия наступает лишь благодаря наличию «двух других фронтов в Европе»? Ничего не остаётся. Роль же борьбы Красной Армии в течение двух с лишним лет для общесоюзного дела слишком ясно выступает из изложенных фактов, чтобы еще раз об этом повторять.

Некоторые приёмы Болдуина, когда он рассуждает о втором фронте в Европе, заслуживают специального внимания.

Вот один из таких приёмов. 15 августа Болдуин заявил:

«Подобно русским, мы считаем необходимым предпринять штурм гитлеровской крепости, и

многие американские руководители полагают, что цена сухопутного вторжения в Европу *в будущем* окажется значительно меньше, чем та цена, которую мы должны будем заплатить за *длительную войну на истощение...*» (Курсив наш. — М. Г.).

Болдуин в данном случае сделал даже вид, что он согласен с «русскими». Однако это только трюк. Под флагом согласия с «русскими» он протаскивает мысль о «сухопутном вторжении в Европу *в будущем*». Таким образом, он вовсе не за то, чтобы не опоздать с открытием второго фронта в Европе. Но этого мало. Как видно из приведённой цитаты, Болдуин только делает вид, что он против установки на счёт «длительной войны на истощение», а на самом деле, планируя второй фронт только «в будущем», он явно выдаёт свои симпатии к «длительной войне на истощение» и держит курс на затяжку войны. Болдуин только делает вид, что он сторонник «русских». В действительности, из его же слов видно, что Болдуин — сторонник затяжной, *длительной войны «на истощение»*. По-своему обозреватель «Нью-Йорк таймс», может быть, и прав. Что, собственно, ему торопиться со сроками окончания войны: война ведь ведётся не на территории Соединённых Штатов. Но в Советском Союзе рассуждения Болдуина не могут не встретить решительного отпора. Уж слишком они напоминают «философию» Мур-Брабазона, который, как известно, не видел беды в том,

что истощается в этой гигантской войне не только враждебная союзникам Германия, но и входящий в антигитлеровскую коалицию Советский Союз. Болдуин из «Нью-Йорк таймс», как видим, лишь перепевает пресловутого Мур-Брабазона, удалённого из правящих кругов в Лондоне.

Наконец Болдуин прибегает ещё к одному приёму.

«Ни для кого не секрет, — заявляет он, — что большинство американских военных высказывается за нападение в Западной Европе, в то время как английская точка зрения, повидимому, исходит из теории Черчилля о необходимости предпринять «эксцентричное» наступление в Средиземном море».

Этот приём самооправдания прошёл, кажется, незамеченным в английской печати. Убедительность таких сомнительных приёмов от этого, однако, не стала более солидной. Дело в том, что о действительном отношении к таким серьёзным вещам, как обязательство о втором фронте в Европе, судят не по тем или иным литературным изворотам, а по фактам, то есть по тому, в какой мере эти обещания выполняются на деле.

После всех приведённых выше фактов нетрудно придти к правильному выводу в вопросе о том, каково же теперь действительное положение со вторым фронтом в Европе, от создания которого зависит окончательная победа антигитлеровской коалиции над германским фашизмом.

К предстоящему Конгрессу британских тред-юнионов

М. ФАЛИН

1. ПО ПОВОДУ ОДНОГО ОТЧЕТА

6 сентября в Саутпорте состоится 75-й ежегодный Конгресс британских тред-юнионов. В Лондоне опубликован доклад Генерального совета Конгрессу. В докладе имеется раздел с отчётом о заседаниях третьей сессии Англо-советского профсоюзного комитета, которые происходили в Москве в июне — июле 1943 года.

Профсоюзная общественность СССР,

масса членов советских профсоюзов, работающих в самых различных областях, с большим интересом ожидали результатов сессии Англо-советского профсоюзного комитета. Видимо, члены тред-юнионов Англии также весьма живо интересовались работой сессии. Интерес этот вполне понятен, если учесть, что на заседаниях Англо-советского профсоюзного комитета в июне — июле 1943 года обсуждались самые

актуальные вопросы боевого единства английского и советского профсоюзного движения в условиях нынешней смертельной борьбы обеих стран против гитлеровской тирании. Понятен поэтому и интерес, вызываемый тем разделом отчёта Генсовета 75-му Конгрессу тред-юнионов, в котором содержится информация о заседаниях в Москве.

Как известно, по окончании сессии было опубликовано сообщение Англо-советского профсоюзного комитета о работе сессии. По важнейшему вопросу, больше всего волнующему не только советскую, но и, несомненно, английскую профсоюзную общественность,— по вопросу о втором фронте — в сообщении содержалось лишь указание о том, что «Англо-советский профсоюзный комитет также обсудил вопрос об открытии второго фронта...»

Отсутствие развёрнутого заявления по вопросу о втором фронте не могло не разочаровать профсоюзную общественность, ожидающую от Англо-советского профсоюзного комитета действенных мер, направленных к осуществлению бесспорного стремления рабочего класса обеих стран достичь возможно более быстрой и полной победы над общим врагом. Отсутствие определённого решения по вопросу о втором фронте профсоюзная общественность поняла как признак того, что на заседаниях Англо-советского профсоюзного комитета не удалось достичь единства обеих делегаций по этому вопросу.

В докладе Генсовета Конгрессу тред-юнионов по этому поводу сообщается следующее:

«Советская делегация представила проект декларации, которая, по её мнению, должна была быть опубликована. Помимо моментов, нуждавшихся в мелких поправках, в ней содержались два основных вопроса, которые английская деле-

гация считала невозможным принять в предложенной форме. Это было, во-первых, заявление о том, что настоятельно необходимо открыть второй фронт на европейском континенте в этом году и что, если это не будет сделано, то война затянется и жертвы значительно возрастут. Во-вторых, предложение расширить комитет с тем, чтобы включить в него представителей профсоюзов Северной и Южной Америки, а также стран, оккупированных в настоящее время Германией».

Таким образом, отчёт Генсовета указывает на расхождение между обеими делегациями по двум вопросам. Каковы были расхождения по первому из них — по вопросу о втором фронте?

Судя по отчёту Генсовета, можно было бы подумать, что спор шёл из-за незначительных оттенков в формулировках. В отчёте Генсовета указывается, что на заключительном заседании сессии 22 июля советская делегация добивалась «включения в декларацию заявления, сводящегося к тому, что второй фронт должен быть организован на европейском континенте в текущем году и что, если его открытие будет отложено, то это неизбежно затян timer войну и вызовет бесчисленные жертвы. Английская делегация внесла **некоторые поправки** (подчёркнуто нами.— М. Ф.), которые, высказывая пожелание об открытии второго фронта, не шли дальше выражения надежды, что он будет создан на европейском континенте в продолжение текущего года».

Как дело обстояло в действительности? В таких случаях лучше всего призвать в свидетели документы. Правда, по соглашению сторон, документы не должны были публиковаться. Но это соглашение нарушено фактом изложения хода переговоров в отчёте Генсовета. Итак, представим слово документам—приведём предложения о втором фронте, внесённые советской и английской делегациями.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

«Для того чтобы ускорить окончательный разгром гитлеровской Германии и её сообщников и сократить неизбежные огромные жертвы в случае дальнейшего откладывания второго фронта в Европе и затяжки войны, надо обрушить совместные объединённые удары по итало-немецким войскам с Востока и Запада. Необходимо для этого всемерно использовать благоприятно сложившуюся обстановку для создания в текущем году второго фронта на континенте

ПРЕДЛОЖЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

«Для ускорения окончательного разгрома гитлеровской Германии и её сообщников, должны быть нанесены объединённые удары итало-германским армиям с Востока и Запада. Успешное нанесение этих ударов поможет сократить продолжительность войны и уменьшить бесчисленные жертвы, которые в противном случае будут неизбежны. Мы рассматриваем операции в Сицилии как доказательство решимости использовать благоприятные условия, кото-

Европы (подчёркнуто нами. — М. Ф.), без которого невозможна победа над гитлеровской Германией.

Англо-советский профсоюзный комитет должен всемерно содействовать ускорению создания второго фронта в Европе и помогать правительствам союзных стран в этом деле».

Сопоставление этих двух предложений показывает достаточно отчётливо, что речь шла вовсе не о «некоторых поправках», как пытается изобразить дело отчёт Генсовета 75-му Конгрессу тред-юнионов. Совершенно очевидно, что по важнейшему, коренному вопросу совместной борьбы союзников против гитлеровской Германии, по вопросу о выполнении основного обязательства нашими англо-американскими союзниками, **предложение английской делегации не шло дальше довольно неопределённых надежд и благочестивых пожеланий**, которыми, как известно, даже дорога в ад вымощена. Между тем в предложении советской делегации речь шла о **необходимости создания второго фронта не вообще, а именно в текущем году**, речь шла об определённых обязательствах Англо-советского профсоюзного комитета в этом отношении.

Впрочем, авторы отчёта Генсовета сами не выдерживают позиции насчёт «некоторых поправок», когда они объясняют, почему же не было достигнуто соглашения между делегациями по вопросу о втором фронте. Отчёт Генсовета объясняет неуступчивость английской делегации тем, что она «чувствовала себя связанной принятой в прошлом году Конгрессом тред-юнионов резолюцией, которая возражает против оказания давления на английское правительство с целью заставить его предпринять какие-либо операции, которые оно может считать с военной точки зрения несвоевременными». И в другом месте, заверяя, что английская делегация «с величайшим сочувствием разделяет взгляды советской делегации по вопросу о втором фронте», отчёт Генсовета объясняет отклонение предложения советской делегации английской делегацией тем, что «она достигла пределов своих полномочий».

Нетрудно заметить порочность этой по-

рые были созданы, и **открыть в возможно кратчайший срок второй фронт на европейском континенте** (подчёркнуто нами. — М. Ф.), без которого невозможна победа над гитлеровской Германией.

Англо-советский профсоюзный комитет будет всемерно содействовать ускорению открытия второго фронта в Европе, который, мы надеемся, будет возможно открыть в текущем году, и будет помогать правительствам объединённых стран в выполнении этого».

Пытки перенесения огромного вопроса, касающегося судьбы нынешней войны, на чисто формальную почву. Это понимают и деятели английского профдвижения, и они это показали тем, что в начале войны с гитлеровской Германией они не стали ссылаться на прошлогодние решения Конгресса тред-юнионов, а энергично включились в работу по обороне страны. Не страшно ли, что сейчас они ставят формальную ссылку на прошлогоднее решение и на «пределы своих полномочий» выше самых жизненных интересов народов, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть против гитлеровской Германии?

Перейдём ко второму вопросу, затронутому в отчёте Генсовета Конгрессу тред-юнионов, к вопросу о «расширении комитета».

По этому поводу в отчёте Генсовета отмечается, что поскольку «здесь поднимается принципиальный вопрос, который приведёт к изменению всего характера комитета», английская делегация сочла необходимым «сперва получить инструкции от Генсовета». Однако утверждение о том, будто расширение состава комитета приведёт к изменению всего характера комитета, является по меньшей мере довольно странным. Это утверждение совершенно необоснованно.

Советская делегация, предложив расширить состав комитета путём присоединения к нему профсоюзов Северной и Южной Америки, а также профсоюзов стран, оккупированных в настоящее время Германией, имела в виду совершенно ясные цели и задачи, которые вытекают из современной международной обстановки и из тех изменений в соотношении сил, которые произошли в ходе войны.

Мы опять обратимся к свидетельству документа. Вот что предлагала советская делегация:

«Англо-советский профсоюзный комитет должен усилить свою деятельность, в особенности по объединению рабочего класса стран антигитлеровской коалиции для разгрома итало-германских армий.

Это тем более необходимо, что за истекший период комитет работал недостаточно активно и далеко ещё не выполнил своего назначения.

Англо-советский профсоюзный комитет должен развернуть активную работу по вовлечению в состав комитета профсоюзов Северной и Южной Америки и профсоюзов тех стран, народы которых борются на стороне англо-советско-американской коалиции за своё освобождение от гитлеровского гнёта, как то: Югославии, Польши, Франции, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Греции и других стран».

Как видно, советская делегация стремилась к тому, чтобы Англо-советский профсоюзный комитет усилил свою деятельность, в особенности по объединению рабочего класса стран антигитлеровской коалиции в борьбе за скорейший разгром общего врага. С этой целью и предлагалось развернуть активную работу и вовлечь в состав комитета профсоюзы других стран.

О каком же изменении характера комитета можно говорить, как это делается в отчёте Генсовета?

Если под изменением характера комитета иметь в виду усиление его деятельности в целях достижения скорейшего разгрома гитлеровской Германии и её сообщников, то такое изменение только на пользу рабочему классу всех стран, борющихся против фашистской тирании. Но тогда непонятно, почему нужно этого бояться или отмахиваться от такого предложения.

2. ДЕЛЕГАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ НА 75-м КОНГРЕССЕ БРИТАНСКИХ ТРЕД-ЮНИОНОВ

В условиях нынешнего, решающего этапа войны, когда во весь рост встала задача мобилизации всех сил для скорейшего разгрома врага, 75-й Конгресс британских тред-юнионов привлечёт к себе особое внимание советской общественности. Члены советских профсоюзов с тем большим интересом будут следить за работами Конгресса, что на нём будет присутствовать делегация советских профсоюзов, выехавшая в Англию по приглашению Генерального совета. В прошлом году советские профсоюзы, как

известно, приглашения на съезд тред-юнионов не получили.

Советская делегация представляет профдвижение Советского Союза, массы советских рабочих, объединённых в профсоюзных организациях. Возглавляет делегацию секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов тов. Николай Михайлович Шверник. Видный общественный деятель, председатель Совета национальностей СССР, тов. Шверник, старый кадровый рабочий, пользуется большой популярностью и любовью среди советских рабочих. Он сохранил связь со многими старыми товарищами по станку. К нему обращаются за советом и помощью не только по общественным, но и по личным делам. Тов. Шверника знают и рабочие английских заводов: он не первый раз приезжает в Англию в качестве посланца советских профсоюзов.

Знают в Англии также и другого члена делегации, тов. М. П. Тарасова, председателя Центрального комитета профсоюза рабочих центральных железных дорог, который почти шесть лет занимает почётный пост руководителя крупнейшего профсоюза железнодорожников. Он второй раз входит в состав советской делегации, посещающей Англию.

В делегации представлены также рабочие и работницы, инженеры и техники нашей славной промышленности боеприпасов, которая, преодолевая все трудности, снабжает снарядами и патронами доблестную Красную Армию. Член делегации, председатель Центрального комитета профсоюзов рабочих промышленности боеприпасов СССР тов. К. В. Важенин имеет долголетний производственный стаж. Он проявил кипучую энергию, инициативу и неутомимость во время эвакуации в августе 1941 года военных заводов из прифронтовых районов на Восток. Тов. Важенин принимал деятельное участие в этой огромной и сложной работе, его помощь была чрезвычайно существенной, он особенно много внимания уделил условиям эвакуации рабочих с их семьями. Тов. Важенин проявил большое личное мужество в прифронтовой обстановке, ему приходилось принимать личное участие вместе с рабочими в уничтожении некоторых заводов, которые не было возможности эвакуировать. Когда в августе 1941 года немецкие варвары засыпали зажигательными и фугасными бомбами рабочий посёлок при станции Курск, тов. Ва-

жений, рискуя жизнью, спас из охваченного огнём дома оставшихся там двух ребят-шешек.

Рабочих электростанций Советского Союза представляет в делегации председатель Центрального комитета их профсоюза видный инженер тов. Е. Я. Сидоренко.

Входят в состав делегации и представительницы славных советских женщин, чьи героизм и самоотверженная работа на фронте и в тылу получили всеобщее признание. Тов. Р. А. Малахова, член президиума Центрального комитета профсоюза рабочих авиационной промышленности, — талантливый мастер-специалист. Она окончила Авиационный институт, долго работала мастером на одном из авиационных заводов. Тов. Малахова не только отличалась на производстве, но и проявляла большую инициативу в общественной деятельности, весьма активно участвуя в работе профсоюзных организаций. Это оценили её товарищи по работе, избрав её членом президиума своего профсоюза.

Член делегации тов. Т. С. Жукова — председатель фабкома комбината «Трёхгорная мануфактура» имени Дзержинского. Тов. Жукова происходит из семьи потомственных текстильщиков, ярцевских ткачей. Она окончила хлопчатобумажный техникум и является работником высокой квалифи-

кации. Как общественный деятель она пользуется большой популярностью среди текстильщиц. В первые дни войны тов. Жукова едва не погибла от рук немецких разбойников, напавших на нашу родину. За несколько дней до того, как началась война, она поехала в отпуск в свой родной город Ярцево. Очутившись в районе военных действий, тов. Жукова с грудным ребёнком пешком шла до Вязьмы, укрываясь от немецких извергов, не щадящих, как известно, ни женщин, ни детей.

Делегация советских профсоюзов по примеру делегации, посетившей Англию в 1942 году, установит тесный контакт с английскими рабочими и их представителями, она поделится с ними опытом героической борьбы советского народа против фашистских бандитов, расскажет о том, как сражается на фронте и в тылу советский народ, выносящий главную тяжесть войны против гитлеровской Германии.

Делегация ещё ближе познакомится с жизнью и работой английских трудящихся, воодушевлённых той же решимостью, что и рабочие Советского Союза, — добиться скорейшего освобождения мира от смертельной угрозы гитлеровской тирании. Эта цель будет достигнута тем скорее, чем плодотворнее будет боевое сотрудничество трудящихся Англии и Советского Союза, чем теснее будут связывающие их дружеские узы.

Финляндия без маски *

О. КУУСИНЕН

ГЛАВА I. ИСТОКИ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ

1. Шовинизм особого рода

Нет другой такой страны, которая в течение четверти века столь последовательно и упорно, как Финляндия, проводила бы антисоветскую политику. В общей внешнеполитической ориентации Финляндии бывало немало перемен, но при всех этих переменах правящая в Финляндии клика всегда устремлялась, как устремляется стрела компаса к

северу, в объятия тех государств и правительств, которые на данном этапе занимали враждебную по отношению к СССР позицию.

Чем объясняется такое упорство правящих кругов Финляндии в их враждебности к Советскому Союзу?

Мало сказать, что это — проявление шовинизма. Бесспорно, господствующая plutократия Финляндии проникнута ярким шовинизмом. Но её шовинизм — явление, требующее особого объяснения.

Финские шовинисты всегда выступают как

* Вскоре выходит из печати книга О. Куусинена «Финляндия без маски». С согласия автора мы публикуем здесь первую главу этой книги.

их конспиративно. Рабочий класс Финляндии под влиянием событий в России быстро революционизировался. Сейм не представлял собой достаточно надёжной политической опоры для реакции. Все буржуазные партии, вместе взятые, занимали лишь половину мест в сейме, одно время даже немногим менее; социал-демократическая же фракция сейма, несмотря на то что она в большинстве своём состояла из правых оппортунистов, находилась вследствие активности левых депутатов и нажима революционных рабочих снизу в таком состоянии, что реакционная буржуазия не могла на неё полагаться.

Финляндская плутократия поняла, что Временное правительство России представляло для неё весьма ненадёжную опору. Часть финских националистов уже тогда связалась с Германией — в поисках новой внешней опоры; а пока эти поиски не привели к результатам, господствующая плутократия отчаянно держалась за Временное правительство Керенского.

В свете этих обстоятельств вполне понятен смысл той острой борьбы, которая разгоралась в финляндском сейме весной и летом 1917 года. Мы, левые рабочие депутаты, с одобрения Ленина, боролись за право финского народа на самоопределение. Реакционные буржуазные партии с огромным упорством отстаивали сохранение старой опеки российской монархии над Финляндией. Когда же нам, наконец, удалось собрать в сейме большинство голосов за принятие законопроекта, отменяющего эту вековую опеку, финские реакционеры обратились к правительству Керенского и добились роспуска сейма. Они боялись независимости Финляндии, ибо боялись лишиться своей последней опоры в лице верховной власти России.

Но Временное правительство Керенского пало 7 ноября 1917 года. Великая Октябрьская социалистическая революция, руководимая партией большевиков, превратила Россию в Советское государство рабочих и крестьян. Трудящиеся массы Финляндии восприняли победу Октябрьской революции как самое счастливое и радостное событие. Реакционная же буржуазия восприняла её как страшное бедствие.

Было совершенно ясно, что победа социалистической революции в России открывает для финского народа возможность самостоятельной, свободной жизни и счастливого добровольного содружества с великим рус-

ским народом. Известно, что партия большевиков всегда отстаивала право нации на самоопределение. В ноябре 1917 года, сразу же после Октябрьской революции, представитель советского правительства народный комиссар по делам национальностей товарищ И. В. Сталин, будучи в Финляндии на съезде финской социал-демократической партии, провозгласил:

«Полная свобода устройства своей жизни за финляндским, как и за всеми другими народами России! Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров».*

Таким образом, не могло быть никакого сомнения насчёт готовности советского правительства предоставить Финляндии полное право на самоопределение. Но это, разумеется, не могло успокоить правящую клику финской буржуазии; она боялась независимости Финляндии без внешней опоры, нужной для обеспечения её реакционной власти. Поэтому заправила финской плутократии поспешно обратилась к правительству кайзеровской Германии, чтобы в лице германского империализма приобрести для Финляндии нового хозяина, а для себя — новую внешнюю опору в борьбе с трудовым народом. Глава реакционного правительства Свинхувуд отправил в Германию бывшего сенатора Э. Ельта с наказом: «Устрой так, чтобы сюда прибыли немцы, иначе мы не справимся».

Германское правительство охотно приняло на себя роль империалистического опекуна Финляндии, но всё же советовало финляндским правителям обратиться к советскому правительству с просьбой предоставить Финляндии независимость. В ответ на обращение финляндского правительства советское правительство 31 декабря 1917 года приняло декрет, подписанный Лениным и Сталиным, о предоставлении Финляндии полной независимости.

В «благодарность» за это великодушное советского правительства правящая клика Финляндии открыто начала проявлять свою враждебность к советскому народу, включившись в контрреволюционные махинации русских белогвардейцев против советской власти. Казалось бы, простое благодарное должно было подсказать господам из неза-

* «Правда» от 29 ноября 1917 года.

висимой Финляндии, чтобы они не вмешивались в дела великой соседней страны. Но этого не было. Боясь мощи рабочего и крестьянского движения, быстро возраставшей в условиях буржуазной демократии, финские реакционеры смотрели на победу рабоче-крестьянской власти в России как на «опасный пример» для трудящихся Финляндии и поэтому считали себя заинтересованными в деле борьбы за восстановление власти угнетателей народа в соседней стране.

Не надеясь больше методами буржуазной демократии удерживать власть в своих руках, реакционное правительство Свинхувуда в январе 1918 года лихорадочно подготавливало контрреволюционный переворот в стране. В ответ на это финский рабочий класс, твёрдо решив без боя не капитулировать, вступил совместно с мелким крестьянством в революционную борьбу за власть.

В течение трёх месяцев рабочее правительство удерживало в своих руках всю южную Финляндию, и только с помощью немецких кайзеровских войск контрреволюционное правительство добилось в результате ожесточённых боёв разгрома нашей Красной гвардии и удовлетворило свою кровожадность путём неслыханного массового террора.

Известно, что белофинская плутократия вела эту контрреволюционную войну против рабочих и крестьян Финляндии под прикрытием лозунга «освободительной войны Финляндии против российского гнёта». Так как ещё в предыдущем году российский гнёт был ликвидирован Октябрьской революцией, а в конце 1917 года независимость Финляндии была и формально признана советским правительством, то, разумеется, Финляндии незачем было воевать в следующем году за своё «освобождение от российского гнёта».

Такой, совершенно лживый лозунг, направленный против русского народа и советского государства, нужен был реакционным заправилам Финляндии для того, чтобы обмануть финских крестьян и городскую мелкую буржуазию. Вместе с тем в этом демagogическом лозунге выражалась воинствующая враждебность белофиннов против советского правительства. Более того: Маннергейм в феврале—марте открыто призывал возглавляемую им белофинскую армию к походу против Ленинграда (тогдашнего Петрограда) и к завоеванию Советской Карелии. Две белофинских экспедиции во главе с капитаном Валлениусом были посланы

в Советскую Карелию (в марте 1918 года), но их ещё на пути разгромили финские красновардейские отряды с помощью местного населения. На поход же против Ленинграда у Маннергейма не хватило сил,— правда, осенью того же года банды финских шюнкоровцев вторглись через Эстонию в Ленинградскую область, но там они были разгромлены.

Таким образом, ещё на первом году самостоятельного существования финляндского государства правящая верхушка страны выступила как ярый враг Советского Союза. Её агрессивный, антисоветский шовинизм был с самого начала проникнут неудержимым стремлением всячески добиваться устранения рабоче-крестьянской советской власти в великой соседней стране.

Это безумное стремление правящей клики Финляндии исходило из её болезненно тревожных опасений, что пример достижений трудящихся Советского Союза может поощрять борьбу трудящихся Финляндии за освобождение от ига плутократии. Шовинизм заправил Финляндии был и остаётся проявлением антисоветской злобы контрреволюционной шайки, смертельно боящейся своего народа, постоянно беспокоящейся о сохранении своей власти над угнетёнными и эксплуатируемыми массами народа.

В этом первый источник антисоветского шовинизма правящей клики Финляндии. Террористический режим во внутренней политике и антисоветская агрессивность во внешней политике — это не две политики, а лишь две стороны одной и той же политики контрреволюционной плутократии Финляндии.

3. Алчность финской плутократии

Второй источник антисоветской политики правящей плутократии Финляндии состоит в её жадном стремлении захватить в свои руки природные богатства Советской Карелии.

Эти природные богатства многообразны, но предметом вождения финляндской плутократии являлись и являются прежде всего огромные лесные массивы Советской Карелии.

Для того, чтобы понять, какую притягательную силу представляют карельские леса для финляндских капиталистов, надо учесть, что львиную долю в промышленном производстве и внешней торговле Финляндии занимает лесная, деревообделочная и целлюлозно-бумажная промышленность. Финлянд-

ский экспорт древесины и продукции из древесного сырья по объёму больше, чем соответствующий экспорт из какой-либо другой европейской страны. Он составляет 80—85% всего финляндского экспорта. Значит, лес является основным сырьевым источником развития промышленности и внешней торговли Финляндии. Наиболее крупные акционерные общества и картели лесопромышленников и владельцев целлюлозно-бумажных фабрик, а также тесно связанные с ними крупные частные банки («Национальный акционерный банк» и «Объединённый банк северных стран») — самые влиятельные капиталистические группы Финляндии.

Прибыли этих капиталистических групп особенно высоки. Жестокая эксплуатация рабочих и низкая заработная плата позволяли лесопромышленным акционерным обществам в мирный период регулярно выплачивать своим пайщикам 14—16%, в то время как соответствующие общества скандинавских стран имели лишь 8—10%. При этом, однако, финских лесопромышленников постоянно беспокоит перспектива падения их прибылей. Дело в том, что лесная промышленность Финляндии чрезвычайно хищнически эксплуатирует не только рабочую силу, но и лесные фонды страны. Ежегодная вырубка леса (около 41 миллиона кубометров), особенно в восточной Финляндии, значительно превышает естественный прирост леса. Сужение же сырьевой базы обуславливает будущее сокращение производства и понижение прибылей — вот в чём беда!

В свете этих фактов вполне понятно, какими алчными взорами лесопромышленники Финляндии смотрели на огромные лесные массивы Советской Карелии. Вот обширное поле для дальнейшей хищнической рубки леса! Вот опромные богатства «зелёного золота»! И всё это так близко — прямо рукой подать! Это изобилие возбудило волчий аппетит не только у лесопромышленников восточной Финляндии, но и у их банкиров в Хельсинки, у хозяев крупных объединений целлюлозно-бумажных фабрик и у других плутократов.

Но все эти заманчивые богатства находятся по другую сторону границы, на чужой территории, откуда голыми руками ни одного бревна нельзя было взять. Что делать? Маннергейм, который весной 1918 года поклялся «не вложить свой меч в ножны, раньше чем последний воин Ленина не бу-

дет изгнан из Советской Карелии», ничего в этом отношении не добился во время гражданской войны в Финляндии. С осени же 1918 года, после поражения Германии в первой мировой войне, финские плутократы, конечно, и думать не могли о войне против Советской страны. Но в то же время они не могли не думать о захвате карельских земель и лесов. Их алчные вожделения оказались сильнее всех соображений элементарного благоразумия. Решили отправить в поход сильную «неофициальную» экспедицию. Правительство сделало вид, что ничего об этом походе не знает. Организацию и финансирование экспедиции взяли на себя крупные хельсинкские банки и видные лесопромышленники восточной Финляндии, которые составляли так называемый Карельский комитет — негласное руководство экспедиции. В экспедицию было вовлечено большинство шюнкоров, а вооружение, включая и орудия, выдавалось из складов армии. Командирами стали офицеры финской армии во главе с майором фон Герценом.

Поход экспедиции начался весной 1919 года. Одна из белофинских колонн вторглась на окраины города Петрозаводска, но была там разбита частями Красной Армии и местным населением. Главный штаб белофинской экспедиции, находившийся в Видлице (на берегу Ладожского озера), был в конце июня того же года разгромлен в результате десантной операции, осуществлённой по инициативе товарища Сталина, который тогда руководил обороной Петрограда. В телеграмме Ленину от 28 июня 1919 года товарищ Сталин сообщил:

«Сегодня наши части при поддержке нашего Ладожского флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом у границы Финляндии, захватили 11 орудий, богатые артиллерийские и продовольственные склады».

Жалкие остатки белофинской экспедиции бежали в Финляндию.

Однако от этого удара финские капиталисты, глубоко зачарованные лесом (чужим лесом!), ещё не прозрели. Правда, правительство в следующем году (14 октября 1920 года) подписало мирный договор между Финляндией и РСФСР, но одновременно по всей Финляндии велась вербовка «добровольцев» для новой военной экспедиции в Советскую Карелию.

После всесторонней подготовки в ноябре 1921 года многочисленные, сильно вооружённые отряды новой экспедиции отправились в поход на Карелию, но уже через 2—3 месяца они были разбиты частями Красной Армии. Вошедший в историю героический отряд лыжников-финнов из Интернациональной военной школы во главе с Тойво Антикайненом, направленный командованием Красной Армии в глубокий тыл врага, внезапным, стремительным налётом разгромил главный штаб белофинских захватчиков в деревне Кимасозеро.

Народ Советской Карелии не выпустил из рук природных богатств своего края. Карело-финский народ, получивший при советском строе полную свободу для своего экономического и культурного развития, и до этих захватческих походов белофиннов и слушать не хотел националистических призывов заправил Финляндии, которые навязывались в роли «освободителей братьев-соплеменников» в Советской Карелии. Но лишь во время этих бандитских походов карело-финский народ по-настоящему узнал хищническую натуру самозванных белофинских «освободителей».

Он увидел своими глазами, что эти мнимые рыцари «священной частной собственности» на деле являются разбойниками, жадно покусавшимися на чужую собственность. Он видел на сотнях примеров,

что эти мнимые представители «западной цивилизации» на деле бесчинствуют хуже всяких варваров.

Он увидел также, что заправилы Финляндии и их оруженосцы не только презирают своих карело-финских «братьев-соплеменников», но и намерены их истребить, если они не захотят склонить свою шею под ярмо финской plutократии.

Не удивительно поэтому, что народ Советской Карелии ещё в те времена с обнажённым мечом встретил вторгнувшихся из Финляндии завоевателей, которые по примеру Маннергейма кричали о создании «великой Финляндии». Только продажные эксплуататорские элементы, оторванные от народных масс негодяи, пошли на службу к белофинским господам.

Карело-финский народ уже тогда по опыту распознал, что «великая Финляндия» — это малый, но ненасытный хищник с огромной пастью, готовый проглотить любые наши природные богатства и прежде всего наше «зелёное золото».

В то время хищник вынужден был временно отказаться от попыток осуществления своих захватнических планов. Но от самых этих планов он не отказался.

Вот истоки антисоветского шовинизма правителей Финляндии. С самого начала это был, по существу, шовинизм фашистского толка.

Кому на пользу нейтралитет Турции?

Н. ВАСИЛЬЕВ

К числу немногих стран, которые до настоящего времени непосредственно не задеты военными действиями, принадлежит Турция. Но война уже давно подошла к её границам. Это произошло ещё тогда, когда Германия оккупировала и превратила в своих покорных вассалов Румынию и Болгарию, в особенности же, когда орды германских варваров уничтожили независимость Югославии и Греции. Естественно, советская общественность проявляет большой интерес к позиции Турции в нынешней войне в Европе, результаты которой, несомненно, должны оказать самое серьёзное влияние и на Турцию. Для того чтобы выяснить

сущность нынешней политики Турции, необходимо хотя бы бегло напомнить ту эволюцию, которую эта политика претерпела в ходе войны.

Как известно, весной 1939 года Турция под влиянием опасности, возникшей для всех европейских стран в силу агрессивных действий Германии и Италии, была склонна примкнуть к тем странам, которые считали необходимым оказывать противодействие агрессии: 12 мая 1939 года Турция подписала совместно с Англией декларацию о взаимной помощи в случае акта агрессии, могущего привести к войне в районе Средиземного моря. Комментируя в парла-

менте эту декларацию, тогдашний премьер-министр Турции Рефик Сайдам заявил, что Турция, всегда стремившаяся сохранять нейтралитет, сейчас, когда обострение обстановки в Европе распространилось также на район Балкан и Средиземного моря, не может более оставаться на нейтральной и индифферентной позиции.

Эта же позиция Турции нашла своё выражение и в речи турецкого президента на открытии V съезда народно-республиканской партии 31 мая 1939 года.

«Если человечество постигнет катастрофа, — сказал президент, — то турецкий народ с героизмом и без колебаний выполнит долг, который будет возложен на него. Турецкая нация готова и вдохновлена решимостью проявить героизм на стороне народов, жизненные интересы которых совпадают с интересами турецкого народа».

19 октября 1939 года Турция заключила в Анкаре пакт о взаимопомощи с Францией и Англией, к тому времени уже полтора месяца находившимися в войне с Германией. В статье 2-й этого пакта содержалось следующее обязательство Турции:

«В случае акта агрессии, совершённого великой державой и приведшего к войне в зоне Средиземного моря, в которую будут вовлечены Франция и Соединённое Королевство, Турция будет эффективно сотрудничать с Францией и Соединённым Королевством и окажет им в пределах своих сил всяческую помощь и содействие».

Таким образом, Турция намерена была принять участие в действиях по пресечению германской и итальянской агрессии в районе Средиземного моря. По анкарскому пакту, Турция становилась союзником Англии и Франции, уже воевавших с Германией. Естественно, что в этот период о нейтралитете Турции не могло быть и речи. Согласно турецкой официальной точке зрения, Турция в качестве союзника Англии и Франции стояла не на позиции нейтралитета, а лишь временно находилась «вне войны», до того момента, пока не наступят условия, предусмотренные для выполнения его обязательств по анкарскому пакту.

На открытии 6-й сессии парламента 1 ноября 1939 года Исмет Иненю следующим образом выразил официальную точку зрения об отношении Турции к войне в связи с англо-франко-турецким пактом о взаимопомощи.

«Этим договором, — заявил он, — мы преследуем цель противодействовать распространению и расширению трагедии войны, создавая район безопасности в Европе, корчащейся в муках войны... Мы желаем, чтобы завтра, как и сегодня, наша страна находилась вне войны при условии, однако, что

наша безопасность не будет поставлена под угрозу и что наши обязательства не будут нарушены».

Определение позиции Турции как страны, не являющейся нейтральной, а находящейся «вне войны», содержалось и в более поздних высказываниях руководителей турецкого государства, вплоть до середины 1940 года. Соответствующее же отношение к войне проявлялось и турецкой прессой.

Для позиции турецкой прессы характерным было высказывание в газете «Тан» в январе 1940 года журналиста Сертея, который, убеждая Голландию, Румынию, Югославию и Болгарию в том, что их нейтралитет может сослужить им плохую службу, писал:

«Нации, желающие сохранить свою независимость, должны укрепить свои позиции, присоединившись к одному из фронтов... Маленькие народы не могут оставаться посторонними наблюдателями в этой схватке гигантов: они вынуждены встать на сторону того или другого гиганта».

Несмотря на эти заявления, турецкая внешняя политика всё же под влиянием военных событий весны и лета 1940 года начала постепенно эволюционировать в сторону нейтралитета. Оккупация Дании и Норвегии в апреле 1940 года и разгром Франции, Бельгии и Голландии летом того же года сыграли в этом немаловажную роль. Турецкие деятели стали менее определённо высказываться по поводу войны и позиции Турции. Это особенно заметно проявилось летом 1940 года, когда вступила в войну Италия, и когда, следовательно, в связи с начавшейся войною в Средиземноморском бассейне впервые создались условия для выполнения Турцией её обязательств по анкарскому пакту.

Выступая 1 ноября 1940 года на открытии сессии парламента, Исмет Иненю ограничился лишь констатацией того факта, что «внутри нашей зоны безопасности, спокойствие которой имеет для нас первостепенную важность, наш союзник и друг — Греция — сегодня, к несчастью, втянута в войну», и сообщением о том, что турецкое правительство изучает совместно с союзной Англией ситуацию, которая вытекает из этого агрессивного акта Италии.

Между тем война ещё более приблизилась к границам Турции. Осенью 1940 года в Румынию прибыли первые отряды германских войск, подкреплённые в начале 1941 года новыми крупными контингентами. В марте 1941 года Германия начала массовую концентрацию своих войск на территории Бол-

гории, готовясь к разбойничьему нападению на Югославию и Грецию.

В этот период турецкие руководители дважды — в феврале и марте 1941 года — совещались с английским министром иностранных дел Иденом по поводу общей международной ситуации и в особенности по поводу положения на Балканах. Но наметившаяся в это время тенденция Турции стоять в стороне от войны не изменилась. Поэтому, когда Германия в апреле 1941 года напала на Югославию и Грецию, Турция, как и раньше, при нападении Италии на Грецию, не изменила своей позиции страны, находящейся «вне войны».

Логическим развитием этой турецкой тактики, не встречавшей, судя по комментариям английской прессы, возражений со стороны английского союзника Турции по анкарскому пакту, было то, что Турция вступила в новую фазу своей внешней политики, характеризующуюся сближением с фашистской Германией. Новая фаза турецко-германских отношений нашла своё отражение в ряде писем, которыми весной 1941 года обменялись Исмет Иненю и Гитлер. В результате между Турцией и Германией был заключён 18 июня 1941 года, т. е. за 4 дня до нападения Германии на Советский Союз, пакт о дружбе и ненападении. Для фашистской Германии этот пакт, при помощи которого она обезопасила свой балканский фланг, был лишь последним звеном в подготовке разбойничьей войны Германии против Советского Союза.

С заключением германо-турецкого пакта о дружбе и ненападении внешняя политика Турции оказалась в весьма противоречивом положении. Отныне эта политика должна была сочетать такие противоречивые цели, как союз с Англией (пакт о взаимопомощи 1939 года) и дружба с СССР (пакт 1925 года), с политикой дружбы в отношении гитлеровской Германии на основе германо-турецкого договора от 18 июня 1941 года. Нельзя, конечно, не видеть, в какое противоречивое положение попала при этом внешняя политика Турции, если не забывать, что дело идёт о двух лагерях, находящихся в смертельной борьбе друг с другом. Противоречивость турецкой политики была признана самим турецким президентом, который в своей речи, произнесённой 17 марта 1942 года в Измире, отметил, что «проводить дружественную и нейтральную политику в отношении государств, находящихся в состоянии войны, не является лёгким делом».

Такое положение нынешней внешней политики Турции не помешало, однако, тому, что на страницах турецкой печати ведётся проповедь в защиту этой политики как якобы «выгодной» и «благоприятной» для всех воюющих стран.

Вот, например, как разоткровенничался один из турецких журналистов, некий Бенидже, опубликовавший некоторое время тому назад в газете «Сон тельграф» следующие высказывания.

«Если бы мы не стояли на позиции строгого нейтралитета, — писал Бенидже, — то Германия не смогла бы воевать на советском фронте. Если бы мы вызвали подозрение, то Англия и Америка не имели бы такой свободы действий в Северной Африке. Если бы у нас не было ясной и чистой, внушающей доверие политики, то Советская Россия на Кавказе была бы вынуждена воевать иначе. С какой бы стороны и с чьей бы точки зрения ни обсуждался этот вопрос, нейтралитет Турции и правильность её национальной политики полезны для всех воюющих государств и удовлетворяют их».

Бенидже доказывает ни больше, ни меньше, как то, что Турции должны быть благодарны за её нейтралитет и Германия и Советский Союз. Если послушать «Сон тельграф», то окажется, что Германия должна быть благодарна Турции потому, что «если бы мы не стояли на позиции строгого нейтралитета, то Германия не смогла бы воевать на советском фронте». В свою очередь и Советский Союз должен быть признателен Турции за её «ясную и чистую» политику. Бенидже не только уверяет, что эти внешнеполитические установки Турции «полезны для всех воюющих государств», но от имени всех воюющих государств он безапелляционно заявляет: «...и удовлетворяют их».

Как в действительности обстоит здесь дело, можно судить по некоторым фактам из области турецкого нейтралитета по отношению к СССР, хорошо известным советской общественности.

Как известно, в течение первых месяцев после нападения Германии на СССР вся турецкая печать занимала совершенно «нейтральную» позицию в освещении событий на советско-германском фронте. Во имя этого нейтралитета вся турецкая печать публиковала только хвастливую брехню германского информационного бюро о победах и завоеваниях гитлеровских захватчиков на советской территории. Всё это подносилось в самом крикливом виде, печаталось на самом видном месте, и никто не ставил препятствий распространению гитлеровской лжи в ту-

рецкой печати. Соблюдая своеобразный нейтралитет, турецкая печать вовсе не публиковала советских сообщений о германо-советской войне и полностью игнорировала информацию, поступающую из Советского Союза. Правда, в последние месяцы турецкая печать заметно перестроилась и стала давать место даже сообщениям, поступающим из Советского Союза. Но не нам же упрекать за это турецкие газеты!..

Или вспомним скандальный анкарский процесс. Этот процесс был посвящён так называемому «покушению» на германского посла фон Папена, причём в качестве обвиняемых были привлечены какие-то два подозрительные турка и за компанию с этими проходимицами два честных советских гражданина — Павлов и Корнилов. Несмотря на то что невиновность Павлова и Корнилова была неопровержимо доказана на суде, турецкий суд осудил их на 16½ лет тюремного заключения. Свой нейтралитет, не отличающийся от угодничества перед гитлеровским правительством, здесь показали и турецкая юстиция и турецкая печать, превратившие анкарский суд в трибуну для оголтелой антисоветской пропаганды. Недаром же через год после процесса гитлеровцы с удовольствием отметили результаты усердного труда анкарского суда специальным банкетом. Издающаяся германским посольством в Истанбуле газета «Тюркише пост» так расписала этот банкет:

«По случаю годовщины со дня, когда германский посол и его жена остались благодаря счастливой случайности невредимыми при произведённом на них покушении посредством взрыва бомбы, господин премьер-министр Сараджоглу и его жена были гостями у германского посла фон Папена. Папен выразил премьер-министру сердечную благодарность своего правительства за все заботливо предпринятые в связи с этим мероприятия турецких властей».

Говорят, что эта публикация покорила некоторых турецких деятелей, что можно, разумеется, понять, ибо не всегда удобно напоминать в этом году о том, что было в прошлом году.

Но главное, конечно, не в том, что некоторые круги в Турции в своём стремлении угодить гитлеровской Германии пытались осуществить это теми способами, какие они считали для себя наиболее подходящими. Гораздо важнее то, что в данном случае сказались то общее направление турецкой внешней политики, которое ориентировало

страну на явную благосклонность и симпатии к гитлеровской Германии. По признанию Бенидже, именно турецкий нейтралитет позволил Германии напасть на Советский Союз и воевать против Советского Союза. Так расценил роль турецкого нейтралитета не только Бенидже, но и стамбульский корреспондент агентства «Норт америкэн ньюс-пейперс альянс» Гюнтер, который, передавая содержание своей беседы с турецким премьер-министром Сараджоглу о внешней политике Турции, наднях заявил, что «турецкий нейтралитет закрыл доступ немцам на восток (Египет, Ирак и т. д.) и способствовал тому, что оказалось неизбежным нападение немцев на Россию».

Продолжая своё повествование о беседе с Сараджоглу, Гюнтер говорит:

«Турки следят за развитием событий на Балканах с напряжённым интересом. Итальянские дивизии уже не играют серьёзной военной роли. Однако, если бы Италия фактически вышла из войны, Германия, возможно, была бы вынуждена эвакуировать свои войска из балканских стран, что привело бы к совершенно новой ситуации. Вследствие этого балканские страны, боящиеся России, полагают, что русские могут вступить на Балканы, и поэтому относятся к Турции более дружелюбно, нежели до сих пор».

Не является ли по меньшей мере странным мнение турецких кругов, будто балканские страны «боятся» России? Ведь каждому школьнику известно, что именно России все эти страны обязаны своим государственным существованием, своим освобождением от тяжкого многовекового иноземного ига. Известно и то, что века национального порабощения и гнёта уж никак не могли возбудить в балканских странах особенно дружелюбные чувства именно к Турции...

Допустим, что и Бенидже и Гюнтер преувеличили значение нейтралитета Турции как фактора, способного влиять на внешнюю политику Германии. Однако можно ли отрицать, что турецкая политика нейтралитета принесла с самого начала немалую пользу Германии в её разбойничьей войне против СССР? Можно ли найти какой-либо более убедительный аргумент для доказательства выгодности Германии турецкого нейтралитета, как тот факт, что Германия стремилась добиться и добилась от Турции пакта о дружбе и ненападении как раз накануне вторжения на советскую территорию?

Этот пакт сами руководящие государственные деятели Турции характеризуют как «родившийся в результате искреннего желания обеих сторон» и как соответствующий «в равной степени их подлинным нуждам». Что касается Германии, то это было и остаётся совершенно бесспорным: пакт с Турцией 18 июня 1941 г. был действительно продиктован «подлинными нуждами» немецко-фашистских агрессоров.

Таким образом, нетрудно видеть, что турецкая политика нейтралитета была с самого начала выгодна Германии. Даже в период, когда германские войска одерживали успехи на европейском континенте и Германия не особенно нуждалась в благосклонности Турции с точки зрения своих основных стратегических интересов, турецкий нейтралитет был ценен для Германии главным образом тем, что он защищал её балканский фланг и освобождал Германию от необходимости распылять в известной степени свои резервы.

Однако, с течением времени, по мере развития войны на Востоке всё в более и более невыгодном для Германии направлении, особенно после Сталинграда и всех связанных с этой победой советских войск событий, а также после молниеносного провала немецкого наступления летом 1943 года и успешных наступательных операций Красной Армии, резко ухудшивших военное и военно-политическое положение Германии, ценность турецкого нейтралитета для гитлеровской Германии выросла в значительной степени. Поражения, понесённые германской армией на советско-германском фронте зимой 1942—1943 года и летом 1943 года, и успехи англо-американских вооружённых сил в Северной Африке и Сицилии плюс бомбёжка германских и итальянских промышленных районов — таковы основные военно-политические факторы, подорвавшие военную мощь Германии. В этих условиях турецкий нейтралитет становится для Германии всё более выгодным и нужным. Турция обеспечивает безопасность балканского фланга германских армий и даёт возможность Германии попрежнему

держатъ здесь весьма ограниченные силы, концентрируя подавляющую часть немецких войск на советско-германском фронте. Германии дорога сейчас каждая свободная дивизия. Германия цепляется сейчас за каждую возможность оттянуть момент роковой для неё развязки. Эта развязка могла бы быть ускорена, если бы Турция вышла из состояния своего благоприятного для Германии нейтралитета. Вполне понятно, что в этих условиях Германия изо всех сил добивается сохранения Турцией её нейтралитета.

Немецко-фашистские газеты и радио в последнее время с особенным рвением расхваливают турецкий нейтралитет и германо-турецкую дружбу, тем самым ясно показывая, кому они полезны. Они щедрой рукой рассыпают при этом кучу комплиментов Турции за её «реальную политику», за то, что она «остаётся непоколебима», и приходят прямо-таки в бурный восторг, когда им случается цитировать появляющиеся время от времени в Турции заявления о сохранении Турцией нейтралитета и о её готовности, в случае надобности, даже защищать его с оружием в руках.

Эта шумная возня в Германии вокруг турецкого нейтралитета так охарактеризована в турецкой газете «Ени сабах»:

«Не проходит и дня, чтобы немецкое радио не расхваливало германо-турецкую дружбу. Нейтралитет Турции стал постоянной темой передач немецкого радио. Новости, которые могут служить поводом для демонстрации германо-турецкой дружбы, повторяются не только немецкими источниками, но также румынскими, венгерскими, болгарскими, словацкими, хорватскими, итальянскими. Кроме того этот наш «нейтралитет» постоянно используется немецкой пропагандой для нападок на союзников».

Советская общественность понимает, конечно, что определение линии своей внешней политики является делом самой Турции. Но, с другой стороны, наша общественность не может не интересоваться характером нейтралитета Турции. Советская общественность внимательно следит за нынешней турецкой внешней политикой и изучает факты для того, чтобы определить своё отношение к этой политике.

События в Италии

К. РУМЯНЦЕВ

Прошло уже больше месяца со времени «отставки» Муссолини и образования правительства маршала Бадольо. Что же произошло в Италии за этот месяц и что там происходит теперь?

Новое итальянское правительство старается создать вокруг себя ореол «антифашистского правительства», которое якобы ставит своей задачей освободить страну от гнили муссолиниевского режима. Оно старается, таким образом, создать себе базу и какой-то престиж внутри страны и в то же время — более широкие возможности маневрировать и интриговать на международной арене, чем те возможности, которыми располагало правительство Муссолини. Но при рассмотрении реального положения вещей становится очевидным, что сколько-нибудь существенного и глубокого изменения ни в какой области итальянской политики не произошло.

Что касается международной политики, то новые итальянские правители не только избегают делать по этому поводу какие-либо заявления, они не только не произнесли ни слова порицания или критики по адресу авантюристической и хищнической политики фашизма, но, наоборот, всё их поведение свидетельствует о том, что они попрежнему остаются союзниками гитлеровской Германии и партнёрами фашистской «оси». Фактом является, что Италия остаётся вассалом Гитлера и продолжает вести войну на стороне Германии.

Муссолини, Чиано, Фариначчи и другие наиболее ненавистные народу фашистские министры и правители исчезли с политической арены. Неизвестно, что с ними стало, но правительство Бадольо не сообщало ни о том, что они арестованы, ни о том, что против них готовится процесс. Несколько фашистских вождей (кто именно — неизвестно) было арестовано, но лишь для того, чтобы предотвратить опасность, угрожающую их жизни, т. е. чтобы спасти их от гнева народа, который хотел бы свести счёты с бандой Муссолини за её преступления. Что касается фашистских вожжаков среднего калибра, то единственной мерой, предпринятой по отношению к ним, была мобилизация их в армию, а некоторые

были использованы как кадры новой милиции, которой доверена охрана общественного порядка в городах «в ночное время».

Остальная часть государственного аппарата — чиновники, полиция, офицерство — не подверглась ни чистке, ни радикальной перестройке. Этот аппарат остаётся в целом тем, чем он был при Муссолини; а ведь речь идёт об аппарате, который не только является на сто процентов фашистским, но который к тому же переполнен гитлеровскими агентами, им руководящими и его контролирующими. Кое-какие префекты, которые были уволены в отставку или «оставлены в распоряжении правительства», настолько ненавидимы народом, что Бадольо просто не рискнул сохранить за ними места в условиях, когда вся страна была охвачена грозной волной стачек и антифашистских демонстраций.

Но самым характерным является то обстоятельство, что за ширмой правительства Бадольо появляется — на первых порах в тени — целый ряд таких видных фашистских главарей, как граф Гранди (которого называли в качестве кандидата на важный дипломатический пост), появляются люди, которые были подлинными вдохновителями и организаторами фашизма (Вольпи, Пирелли, Креспи и др.), акулы военной промышленности, плутократы, заведомые агенты гитлеровской Германии.

Из всего этого вытекают всё более и более ясно два обстоятельства: 1) переворот 25 июля был организован наиболее реакционными элементами с целью спасти — с помощью маневра — существенную часть здания фашистской диктатуры; 2) после того, как прошёл первый момент растерянности, весь фашистский сброд, крупного и мелкого калибра, стал объединяться вокруг правительства Бадольо, в котором он видит с полным основанием продолжателя дела Муссолини.

Теперь очевидно, что некоторые меры в отношении специфических органов фашистской тирании были предприняты новым правительством под давлением масс. Намерением людей, совершивших переворот 25 июля, было, несомненно, сохранить эти органы

более или менее в неприкосновенности, как они это сделали с фашистской милицией, которая не была распущена, а лишь поставлена под контроль штаба армии. Когда же поднялась внушительная волна массовых антифашистских демонстраций, когда началась всеобщая стачка в крупнейших промышленных городах и на транспорте, правительство Бадольо вынуждено было дать какое-то удовлетворение массам. С этой целью Бадольо распустил фашистскую партию, фашистские организации молодежи, Большой совет и Чрезвычайный фашистский трибунал и пообещал освободить политических заключенных. Но вместе с тем в Италии до сих пор не сделано ни одного шага, даже самого незначительного, на пути к восстановлению народных свобод и установлению демократического режима. Наоборот, Бадольо поспешил принять самые строгие меры, чтобы задушить народное движение и сохранить режим открытой политической тирании. В стране было провозглашено осадное положение; возобновившиеся выход газеты демократического направления были закрыты, всякие массовые антифашистские выступления строгой запрещены, появившиеся на поверхности политические партии распущены и запрещены, железнодорожники и промышленные рабочие объявлены мобилизованными и т. д.

Таким образом, в Италии не существует ни свободы печати, ни свободы слова, ни свободы собраний и союзов. Гражданам не возвращены права, насильственно отнятые у них фашистским режимом. Лишь промышленным рабочим удалось с помощью забастовок вырвать силой право восстановить старые заводские комитеты. Что касается политических заключенных, то никакой амнистии объявлено не было; правительство старается наложить руку на тех из них, которые были освобождены народом, штурмовавшим тюрьмы; правительство издаёт указы о массовых арестах антифашистов, борющихся за свободу и за выход Италии из войны. Крестьянам, отказывающимся сдавать продукты правительству, продолжающему войну на стороне гитлеровской Германии, угрожают самыми суровыми репрессиями.

Но самым главным вопросом, пробным камнем для определения подлинной позиции нового итальянского правительства, является его политика в вопросе о войне, его отношения с гитлеровской Германией. Единст-

венное изменение, происшедшее в этой области, состоит, может быть, в том, что, если во времена Муссолини встречи между правителями двух стран «оси» сопровождалась большой шумихой и о них оповещался весь мир, то теперь, когда встречаются гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп и итальянский министр иностранных дел Гуарилья, у итальянского правительства не хватает духа открыто сообщить о таких встречах.

Но достаточно внимательно всмотреться в то, что происходит сейчас в Италии, достаточно даже, например, прослушать любую официальную итальянскую радиопередачу, чтобы убедиться в том, что Италия Бадольо продолжает оставаться вассалом гитлеровской Германии. Всякая самая постыдная кампания гитлеровской печати и радио против демократических стран подхватывается итальянскими официальными инстанциями и газетами. По всем вопросам международной политики Рим говорит тем же языком, что и Берлин, тем же языком, которым он говорил, когда Муссолини был у власти. «Италия, — заявил недавно один из министров Бадольо, — будет продолжать войну на итальянской территории, чтобы спасти европейскую культуру от всеобщей опасности большевизма». Естественно, Берлин весьма широко рекламировал эти заявления, достаточно ярко свидетельствующие о том, что итальянское правительство Бадольо продолжает быть слугой и вассалом немецких людоедов.

И, наконец, наиболее убедительно говорят о позиции итальянского правительства факты. А факты таковы.

Остатки итальянской армии продолжали сопротивление в Сицилии бок о бок с немецкими дивизиями. Немецкие войска, изгнанные из Сицилии, немедленно заняли позиции на Калабрийском побережье. Немецкая авиация, базирующаяся на Италию, продолжает действовать против коммуникаций союзников в Средиземном море. Одновременно новые немецкие соединения вступают в Италию и занимают стратегические позиции на севере страны, на линии Тессин, Адда и По, от Павии и Лоди до Адриатического моря. По существу с согласия Бадольо северная часть Италии оккупирована гитлеровскими войсками. Итальянское правительство, таким образом, попрежнему предоставляет территорию Италии в распоряжение гитлеровской армии в качестве плац-

дарма для защиты немецких границ. Вместо того чтобы порвать пакт с Германией, правительство Бадольо предпочитает превратить страну в театр военных действий, оно предпочитает обречь на разрушение весь производственный аппарат, порты, дороги, транспорт и т. д.

Маршал Бадольо не дал распоряжения о возвращении в страну итальянских вооружённых сил, находящихся на Балканах, в Югославии и Греции. Замена некоторых итальянских дивизий, стоявших в Южной Франции, немецкими частями была вызвана скорее волнениями среди итальянских солдат, чем каким бы то ни было изменением в позиции Италии. Итальянские солдаты продолжают, таким образом, по приказу Бадольо оставаться наемниками гитлеровского империализма и служить в качестве жандармов Гитлера орудием подавления национально-освободительного движения французов, сербов, хорватов, словенов, греков.

Швейцарский журнал «Ди тат», анализируя положение Италии месяц спустя после падения Муссолини, писал:

«Несмотря на рвение, с которым были вытерты следы прошлого и распущены некоторые фашистские организации, всё-таки остаётся впечатление, что, по существу, в Италии ничего не изменилось».

Это впечатление соответствует действительному положению вещей. Признание этого факта проскальзывает, впрочем, и в самой итальянской печати, несмотря на стро-

гости предварительной цензуры. Так, например «Коррьере делла сера» писала, что правительство Бадольо «должно было бы принять меры, которые действительно показали бы народу, что оно намерено ликвидировать фашизм». А «Лаворо итальяно» писала, что «продолжать войну — значит продолжать сражаться за победу фашистских идеалов даже теперь, когда фашизм как партия распущен».

На что надеется правительство Бадольо, продолжая войну в интересах Германии и оставаясь в распоряжении Гитлера, — сказать трудно. Одно несомненно: это то, что его фашистская политика может привести лишь к одному результату: ввергнуть в ещё более глубокую пропасть Италию, разваленную Муссолини. Никто не попадётся на удочку и не поверит, что в результате переворота 25 июля в Италии создалась новая ситуация. Нет никаких признаков, которые говорили бы о демократических реформах или об отходе от военной политики гитлеровской «оси». И совершенно очевидно, что долг демократических народов — продолжать войну против Италии Бадольо с той же непримиримостью, как и против Италии Муссолини.

Фашизм должен быть действительно уничтожен и вырван с корнем. Концентрация ударов союзных армий против гитлеровской Германии и её жалкого итальянского вассала должно ускорить осуществление этой задачи.

АМГОТ

Л. ВОЛЫНСКИЙ

(ПО СТРАНИЦАМ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ)

На страницах иностранной печати в последнее время появилось новое слово: АМГОТ. Этот новый термин представляет собою сокращённое название «Союзного военного правительства на оккупированных территориях» (Allied military government for occupied territories).

«Союзное военное правительство» впервые было введено в действие англо-американским командованием в Сицилии, после высадки союзных войск на этот остров.

Лондонское радио 19 июля следующим образом формулировало задачи этой организации:

«Когда наступающая армия захватывает часть неприятельской территории, то на этой территории вводится военное правительство в соответствии с международной Гаагской конвенцией. Такое военное правительство вводится сейчас союзниками в оккупированных частях Сицилии. Это военное правительство имеет своей целью: 1) гарантировать безопасность местного населения; 2) поддерживать порядок в занятых областях; 3) пресекать

и карать все уголовно наказуемые деяния так, как это делается в мирное время».

Далее указывалось, что

«после прекращения военных действий это правительство займётся восстановлением страны, устранением последствий войны и постепенной передачей власти на местах гражданским властям».

Как известно, АМГОТ является организацией исключительно англо-американской. Советский Союз в этой организации не принимает участия. Тем не менее уже характер задач, поставленных перед АМГОТ, не может не привлекать внимания советской общественности к этой организации.

Более подробные сведения о целях АМГОТ были приведены корреспондентом агентства Ассошиэйтед пресс, находящимся при штабе союзных войск в Северной Африке. Ссылаясь на официальные источники, он сообщил, что «военное правительство» союзников на Сицилии примет меры к роспуску фашистской партии и организаций фашистской молодёжи; фашистские главари будут уволены с занимаемых ими постов. Вместе с тем АМГОТ не допустит на острове никакой политической деятельности. Оно не будет вести переговоры с изгнанниками или эмигрантами и не будет оказывать предпочтение каким-либо местным политическим деятелям. АМГОТ попытается руководить населением оккупированных провинций и городов при посредстве его собственных официальных представителей, не являющихся активными членами фашистской партии. АМГОТ будет наблюдать за нормированием продуктов и снабжать всех нуждающихся продовольствием и медикаментами. Оно будет охранять свободу религиозного культа, «положение католической церкви и всех религиозных институтов будет уважаться». АМГОТ аннулирует все законы, предусматривающие дискриминацию рас, веры и цвета кожи, будет охранять материальные символы подлинной Италии, здания, библиотеки, памятники, архивы и произведения искусства. В пределах, допускаемых военной обстановкой, будут предоставлены свобода печати и свобода слова. Военные суды союзников, подведомственные АМГОТ, будут разбирать дела тех, кто обвиняется в преступлениях против союзников.

Характеризуя эту новую организацию, «Нью-Йорк таймс» писала:

«Это — первое объединённое англо-американское правительство, которое ещё раз демонстрирует прочность англо-американского сотрудничества, достигнутого в Северной Африке».

Лондонская «Таймс» дополнила эту характеристику указанием на то, что

«по мере продвижения союзных армий работа этого англо-американского правительства будет изучаться всем миром как первое конкретное выражение политики союзников после свержения тоталитарных режимов».

По данным англо-американской печати, структура АМГОТ на Сицилии такова:

«Военное правительство союзников» подчинено военному губернатору острова — английскому генералу Александру, наделённому правами верховной власти. Во главе АМГОТ стоит английский генерал-майор лорд Реннелл, который является руководителем по гражданским делам. Заместителем лорда Реннелла назначен американский бригадный генерал Макшерри. Аппарат состоит из нескольких сот английских и американских офицеров, которые прошли предварительный инструктаж, обучались в течение нескольких месяцев управлению оккупированными территориями противника, изучали языки и специализировались в области права, финансов, здравоохранения и т. д. В начале оккупации Сицилии союзниками было объявлено, что создание «военного правительства» не приведёт «к каким бы то ни было политическим последствиям». Срок полномочий АМГОТ не зафиксирован и длительность его существования на той или иной территории всецело зависит от усмотрения англо-американских союзников.

* * *

Высадка союзных войск на Сицилии воспринята была местным населением, как событие, знаменующее освобождение от гитлеровской войны, чуждой кровным интересам итальянского народа, и от ненавистного фашистского режима. В городах и районах Сицилии АМГОТ приступало к выполнению своих функций тотчас же после вступления союзных войск.

Однако, судя по сообщениям англо-американской прессы, деятельность АМГОТ в Сицилии вызывает немало нареканий в Англии и США. Часто высказывается опасение, что режим, установившийся на острове после прихода союзных войск, в весьма малой степени соответствует тем задачам защиты демократии, которые союзники поставили перед собой в войне против гитлеровской тирании.

О первых мероприятиях АМГОТ рассказывает, например, специальный корреспондент

дент лондонской «Ньюс кроникл» на основе своей беседы с генералом Реннеллом. Отметим, что приступлено к восстановлению коммунальных предприятий, снабжению населения продовольствием и к организации здравоохранения, корреспондент замечает, что «деятельность просветительных учреждений на Сицилии в настоящее время приостановилась — все школы и университеты закрыты». На вопрос, собирается ли АМГОТ снова открыть школы, Реннелл заметил, что нельзя даже пытаться назначить день открытия школ.

Когда корреспондент коснулся судьбы политических заключённых и поинтересовался, проводит ли АМГОТ политику освобождения антифашистов из тюрем, он получил ответ, что АМГОТ принимало меры против уголовных преступников, но его не касаются дела политических заключённых.

АМГОТ, продолжал генерал, избегает обращаться к каким-либо группировкам на Сицилии.

«Мы не ищем помощи каких-либо политических группировок, ни антифашистских, ни иных, — сказал он, — мы приглашаем сотрудничать сицилийцев в качестве граждан, а не политических деятелей».

Что касается восстановления демократических свобод, в частности свободы собраний, то корреспондент получил такой ответ:

«На Сицилии не существует свободы собраний и до получения соответствующих распоряжений свободы этой не будет».

Ещё в предварительные планы АМГОТ, разработанные до начала десантных операций на Сицилии, входило использование итальянских карабинеров (жандармов) в качестве полиции.

«Они, — заметил Реннелл, — прекрасно работают, и большинство из них благонадёжно. Среди них мало настоящих фашистов. Они присягали королю Италии, а не Муссолини».

В большинстве случаев используются местные руководящие чиновники. Итальянские государственные служащие получают заработную плату как обычно, несмотря на то что в настоящее время их учреждения не функционируют.

Положение в экономической области характеризуется тем, что предприятия с капиталом союзников, захваченные в своё время фашистским правительством, находятся под арестом, наложенным АМГОТ в интересах их владельцев. Среди этих предприятий находятся серные копи и др.

На вопрос корреспондента, существуют ли планы социальных и экономических реформ на Сицилии, генерал Реннелл ответил:

«АМГОТ, являясь военной властью, не имеет ни международного права, ни мандата, которые позволяли бы ему проводить те или иные социальные реформы».

Что происходит в Палермо, крупнейшем городе Сицилии? Судя по корреспонденции, помещённой в «Нью-Йорк таймс», из Палермо ещё до прихода американских войск бежало много видных фашистов, в том числе мэр города, префект и высшие должностные лица. Но многие фашисты остались на местах. «Союзное военное правительство» сохранило посты за помощником префекта и вторым заместителем мэра, а также оставило ряд прежних чиновников. Корреспондент сообщает:

«Итальянские антифашисты разочарованы тем, что многие чиновники, ранее связанные с фашистами, остались на своих местах. Антифашисты, по-видимому, ожидали, что союзники разгонят все фашистские власти».

В районе Сиракуз, сообщает английский журналист Линдли Фрезер, только что вернувшийся оттуда, организацией жизни местного населения занимаются английские и американские офицеры, прсшедшие предварительное обучение.

«Не все местные администраторы, — замечает Фрезер, — получили отставку. Нельзя также сказать, что все лица, стоявшие раньше у власти, были арестованы. Несомненно, местные фашистские организации были тотчас же распущены, и фашистской партии как таковой не существует... Англичане и американцы, высадившиеся на Сицилии, имели уже у себя в руках чёрный список. Только те лица, которые значились в этом чёрном списке, были устранены».

Общую установку на использование аппарата итальянского фашистского государства отражает «Таймс», указывая на то, что

«до тех пор, пока в оккупированных районах останется фашистская администрация, итальянские чиновники, подобно всем итальянским подданным, должны подчиняться приказам союзников».

* * *

Приведённые факты объясняют, почему создание АМГОТ и первый же опыт его практической деятельности вызвали принципиальные возражения и подчас резкую критику в печати, в политических кругах Англии и США.

«При занятии даже самого маленького городка, — пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», — нашим военным властям придётся иметь дело с мэром, учителями, полицией и др., т. е. с такими людьми, которые, заявляя о своём отходе от Муссолини, всё же могут оставаться верными слугами фашистской идеологии и фашистской системы. Если под покровительством АМГОТ эти элементы сумеют укрепить свою власть, то может ли быть речь о свободных выборах?!»

Те же опасения в числе других газет разделяет и «Чикаго сэн», заявляя:

«Словом и делом мы должны устранить подозрения итальянского народа, который считает, что, выступая против фашизма, мы тем не менее готовы сотрудничать с итальянскими реакционерами, которые поддерживали Муссолини и извлекали немалые выгоды из фашистского режима. Эти реакционеры готовы придти и заявить: «Господа демократы, мы всегда стояли на вашей стороне. Чем мы можем служить вам в деле установления законности и порядка в Италии?» Необходимо проявить достаточную государственную прозорливость и смелость, чтобы немедленно наладить открытое активное сотрудничество с проверенными итальянскими демократами».

Наконец, особенное беспокойство демократической общественности союзных стран вызывается проникающими в печать сведениями о том, что деятельность АМГОТ задумана в «большом европейском плане», т. е., попросту говоря, что эта организация предполагается не только для стран гитлеровского блока, но и для оккупированных Гитлером стран, когда они будут освобождены от немецкой оккупации. Любопытно, что даже те круги Объединённых наций, которые не высказывают никаких сомнений по поводу деятельности АМГОТ на территории вражеских стран, решительно высказываются против появления этой организации в их собственных странах. Так например на днях «Таймс» писала, что в кругах эмигрантских правительств, находящихся в Лондоне,

«широко распространено мнение о том, что АМГОТ — прекрасный аппарат для вражеских или вассальных стран, но не для друзей. Нечего и го-

ворить, что этот взгляд разделяется французами, вне зависимости от того, симпатизируют ли они де Голлю или Жиро».

Ещё определённое высказывается на этот счёт известный английский журналист Вернон Бартлетт. Он пишет:

«Не только находящиеся в изгнании правительства, но и народы оккупированной Европы обеспокоены и озадачены сообщениями об англо-американских школах (непочтительно называемых школами гаулейтеров), в которых производится обучение чиновников для «Союзного военного правительства» (АМГОТ) и других организаций, посредством которых Лондон и Вашингтон предлагают иметь дело с Европой».

Можно было бы привести немало других высказываний и критических замечаний по поводу АМГОТ и принципов, на которых строится деятельность этой организации. Но и приведённых фактов и отзывов достаточно, чтобы придти к заключению, что создание АМГОТ и его практика не случайно вызывают споры. Как выясняется из фактического описания деятельности АМГОТ и из полемики вокруг этой организации, её характерной чертой является то, что, формально провозглашая ликвидацию фашистского режима, АМГОТ не принимает необходимых мер к фактическому уничтожению фашистского строя. АМГОТ сохраняет старый фашистский аппарат власти и не привлекает к управлению демократические элементы. Самое управление строится здесь на началах, ничего общего не имеющих с принципами демократии. Всё это не может не отразиться известным образом на ходе дальнейшей борьбы против общего врага.

Из международной жизни

(ЗАМЕТКИ)

ГДЕ МУССОЛИНИ?

Судьба отставного дуче не может не интересовать международную общественность. Однако сообщения о том, где находится Муссолини и какова его судьба, крайне противоречивы. Одни уверяют, что он «бежал в Германию», другие — что «перелетел в Испанию».

«Единственно, в чём мы уверены, — иронически заметил по поводу этих догадок лон-

донский радиокомментатор Дэвид Лоу, — так это в том, что у нас, в Англии его нет».

Было даже сообщение, что Муссолини погиб, пытаясь скрыться из Италии на подводной лодке, затонувшей после выхода из порта Ливорно. Возможно, что эта последняя версия пущена в ход не без участия «друзей» проигравшего игру фашистского цезаря, которые, очевидно, полагают, что поскольку Муссолини «затонул», мир перестанет интересоваться его судьбой.

Но где же всё-таки Муссолини? Выходящая в Турине итальянская «Гадзетта дель пополо» в первые дни после образования правительства Бадольо сообщила, что Муссолини был арестован вечером 24 июля после приёма у короля. При выходе из королевского дворца его задержали итальянские офицеры, посадили в военно-санитарную машину и увезли «в неизвестном направлении».

Версию о том, что Муссолини арестован, подхватили иностранные корреспонденты и радиостанции. Нет недостатка в «подробностях» ареста дуче, преподносимых в самых разнообразных вариантах.

Похоже на то, что сообщники Муссолини, стоящие у власти в Италии и продолжающие его политику союза с Германией, прячут своего незадачливого дуче, держат его «прозапас». А чтобы скрыть его закулисную роль и создать впечатление, будто Муссолини окончательно сошёл с политической сцены и обезврежен, пускают в оборот бесчисленные версии о его «гибели» и «аресте».

ГИТЛЕРОВСКИЙ «МИРОВОЙ» ШПИОНАЖ

Шведская газета «Дагенс нюхетер» сообщает, что в Стокгольме обосновалась фирма, именующая себя «Мировое радио». Эта фирма, «идя навстречу желанию германского имперского радио», занимается весьма интересными изысканиями среди шведских радиослушателей. Недавно фирма разослала анкету, 5-й пункт которой гласит: «Имеются ли поблизости фабрики, силовые станции или военные установки, потребляющие ток и мешающие приёму? Если да, то будьте добры сообщить детальные данные о них».

Шведские радиослушатели передали анкету по назначению: в редакции газет и в полицию. Остаётся открытым вопрос: разве беспримерное нахальство немецких шпионов могло бы столь пышно расцвести, если бы они не пользовались в Швеции полнейшей безнаказанностью в течение долгого времени?

«КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ»

Недавно в Истанбуле вышла брошюра турецкого журналиста Эркмена «Самая большая опасность». В этой брошюре рассказаны любопытные вещи о деятельности расплодившихся в Турции пантюркистских элементов и организаций. Автор пишет, что, «изображая татар, узбеков, калмыков, азербайджанцев и другие народы, живущие от нашей страны за тысячи километров, как единое целое с нами, пантюркисты стали распространять идею создания великой турецкой империи». На основе большого количества фактов автор приходит к выводу, что пантюркизм в его различных разновидностях представляет серьёзную опасность для национальных и государственных интересов Турции, что пантюркисты под маской лжепатриотизма и лжепатриотизма служат верой и правдой гитлеровской Германии, являясь певцами гитлеровской захватнической политики.

Брошюра Эркмена привлекла внимание и вызвала оживлённые отклики не только в Турции, но и за границей. Отвечая на запрос в меджлисе, министр иностранных дел Турции Менемеджюглу выдвинул два положения: 1) что брошюра Эркмена издана на основе действующей в Турции свободы печати и 2) что в стране нет никаких расистских или националистических течений, преследующих империалистические цели.

Как сообщает один журналист, недавно приехавший из Ирана, автор брошюры «Самая большая опасность» совершенно неожиданно куда-то исчез. Все попытки друзей Эркмена найти какие-либо следы остались будто бы безрезультатными. Предполагают, что здесь дело не обошлось без турецкой полиции, которая, видимо, решила сказать и своё веское слово по вопросу о турецкой свободе печати. Правда, с другой стороны, пантюркисты не могут пожаловаться на какие-либо ограничения свободы печати для них: издания, в которых расхваливается гитлеровская Германия и проповедуются сумасбродные захватнические планы, продолжают выходить без всяких препятствий.

Шесть дней на Мальте

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

Н. СОЛОДОВНИК

Мартовский день...

На пыльном аэродроме стоит наш готовый к отлёту самолёт. Район аэродрома носит громкое название — «Кастель Бенито», что значит «Замок Бенито». Здесь не так давно ещё была одна из основных военно-воздушных баз итало-немецких войск, наступавших под командованием генерала Роммеля через Ливию на Египет. Именно с этого аэродрома перед битвой у Эль-Аламейна Муссолини готовился торжественно «влететь» в Египет. Все приготовления к торжественному въезду «дуче» в Египет были закончены — оставалось только выиграть сражение.

11 дней длилась битва у Эль-Аламейна. Экзальтированные итальянские дамочки из Александрии, полагая, что это сам Муссолини въезжает с таким грохотом и шумом в Египет, вышли навстречу. В это время следовало от линии фронта в Александрию одно австралийское соединение. Что произошло, трудно сказать, но фашистские энтузиастки бежали, повидимому, без оглядки, так как на месте исторической встречи остались смятые и увядшие букеты цветов и много модных дамских туфель.

Разрушенные здания и обгоревшие остовы итало-немецких самолётов на аэродроме в «Кастель Бенито» — мёртвые свидетели несбывшихся честолюбивых планов Муссолини.

* * *

Группа военных в лётной форме стояла у самолёта. Среди них — крепкая, приземистая фигура маршала авиации, с которым я встречался в Каире.

Рукопожатия, короткое «гуд бай», туча пыли — и мы в воздухе.

— Посмотрите, — говорит маршал, указывая на промелькнувший аэродром, разрушенный город Триполи и на гавань с затопленными судами. — Там, внизу, лежит поверженная в прах итальянская империя.

Промелькнула линия побережья. Воды Средиземного моря так прозрачны, что в светлые, лунные ночи с самолёта легко про-

сматривается погружённая на незначительную глубину подводная лодка.

Из шести сопровождавших нас истребителей два всё время летели над самой водой. Они казались сверху большими хищными серыми птицами. Я на них посматривал с чувством благодарности, ибо как ни хорошо было море, всё-таки не хотелось туда прыгать, да ещё с такой высоты. Поэтому я облегчённо вздохнул, когда увидел вдали небольшой клочок серой скалистой земли. Это была Мальта.

* * *

Мальта — сравнительно небольшой остров, 120 квадратных миль. Расположен он в самом центре Средиземного моря: почти на полпути между Европой и Африкой, на одинаковом расстоянии от Гибралтара на западе и от Сирийского побережья на востоке. В давно прошедшие времена, когда Средиземное море ещё разделялось на два озера перешейком, соединяющим Европу с Африкой, через Мальту проходил основной тракт. Учёные доказывают, что следы этого тракта резко обрываются на южном побережье Италии, что они видны затем на Мальте и вновь начинаются на северном побережье Африки.

Понимая военно-стратегическое значение Мальты, державы оси пытались буквально засыпать её бомбами. С начала войны по 19 февраля 1943 года на Мальту было произведено 3236 налётов, из них 1267 — ночных. В 1942 году было всего лишь 36 дней, когда самолёты противника не появлялись над Мальтой. 7 февраля 1942 года вражеские самолёты бомбили Мальту 16 раз.

Сначала Мальта была слабо подготовлена к обороне. В начале войны там имелось всего 4 устаревших «гладиатора», из которых один к тому же был неисправный. Наши ребята такие самолёты называли бы просто летающими гробами. Мальтийские лётчики звали их в шутку: «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Во время налётов «гладиаторы» медленно поднимались в воздух и, крихтя, отбивались от немецких «мессершмиттов». Положение было неве-

сёлое. Неприятель топил английские суда в самой гавани, запасы амуниции и продовольствия на острове подходили к концу. Но весной к острову прорвались долгожданные караваны и Мальта вздохнула свободно. Один информированный офицер мне говорил: «Если бы караваны не подошли ещё в течение двух недель, на Мальте начался бы голод».

* * *

Прежде всего мной завладели лётчики. Показывая бесчисленные аэродромы, подземные склады, мастерские и центры управления, сопровождавший меня лорд Хинтос — немножко писатель, немножко философ — говорил:

— Мальта — сплошной аэродром. Наиболее важную роль в деле обороны острова, без сомнения, сыграла авиация. В будущих наступательных боях ей также будет принадлежать первое место.

Вечер. По команде сигнальных огней один за другим поднимаются в воздух ночные бомбардировщики и, сделав круг над островом, исчезают в ночной темноте. Сегодня они будут бомбить Сицилию, военно-промышленные объекты Южной Италии и караваны, подвозящие Роммелю боеприпасы и горючее. Лучи прожекторов бороздят безоблачное небо в поисках вражеских самолётов, не находят их и внезапно гаснут.

Бомбардировщики вылетают каждую ночь и каждый день. Но... заводы Южной Италии продолжают работать, хотя и с перебоями, а войска Роммеля всё ещё не испытывают острого недостатка в технике, боеприпасах, горючем и продовольствии. Значит, одной авиации недостаточно.

Два лётчика сидят, склонившись над картой. Разговорились.

— Мы польские жолнеры, — рассказывает один из них, — воевали с немцами, были взяты в плен, затем бежали и пробрались в Англию. Теперь мстим немцам за Польшу.

— Что-то там с нашими семьями? — вздыхает другой. — Где они: в концентрационном лагере, на принудительных работах или умерли с голода? Может быть, расстреляны?

— Как видите, выбор богатый, — невесело шутит первый.

Долго и жадно спрашивают о СССР, о победах Красной Армии, о польских формированиях в Советском Союзе.

— Россия — старший брат в семье славянских народов, — говорит высокий задумчивый лётчик. — У нас общий враг — немцы. Что же касается спорных вопросов, то они будут полюбовно улажены, для этого некоторым из нас надо понять, что исконные русские земли должны остаться за Советским Союзом. Многие же занимаются ненужной болтовнёй, а для победы ничего не делают.

* * *

— Пехота, — говорит бригадный генерал, — ведёт на Мальте скромную, незаметную жизнь, она честно потеет. Авиация и морской флот вытеснили нас со страниц газет и модных журналов, девушки отдают предпочтение лётчикам. Мы не импонируем той части привыкшей к эффектным номерам публики, которая судит о жизни по американским кинофильмам. Но если бы не мы, кто знает, что случилось бы с Мальтой!

Мы в казарме одной из пехотных школ. Здесь днём и ночью кипит жизнь. В подготовке пехотинцев особое внимание уделяется десантным операциям. Сегодня море разбушевалось, но программа занятий выдерживается до конца.

Сильные, здоровые солдаты быстро спускают на воду плоскодонную лодку, устанавливают на ней пулемёты и устремляются к противоположному — «вражескому» — берегу бухты. Вдруг накатывается большая волна и опрокидывает лодку, начинается нешуточная борьба за жизнь. Офицер решает было вызвать катер, но солдаты спасают лодку, оружие, быстро карабкаются на обрывистый, скалистый берег и атакуют «противника». Морю достались только одно весло и пилотка.

— Надоело каждый день прыгать в воду, — говорит мне промокший до нитки сержант. — Скорее бы уж высадиться где-нибудь по-настоящему, а то получается что-то вроде детской игры в солдатики! Да и домой охота. Большинство из нас считает, что кратчайший путь в Лондон лежит через Берлин.

Перед вылетом на Мальту в Каире ко мне зашёл один очень молодой английский морской офицер. Он недавно вернулся из СССР, где работал офицером связи в Черноморском флоте и немного научился порусски. О СССР у него остались самые лучшие воспоминания. Волнуясь и краснея, этот офицер мне рассказывал:

был набит битком. Жаль, что его скоро сняли, большей части жителей так и не удалось посмотреть: говорят, что кинокартина была взята для показа в войсках.

Кто-то из гостей замечает:

— Многие у нас думают, что бомбёжки на Мальте уменьшились потому, что Красная Армия, уничтожив немцев под Сталинградом, гонит их дальше на запад.

* * *

На следующий день я вместе с фотографом и сопровождавшим меня офицером решил побродить по Мальте. Пробираемся среди развалин домов. Только несколько улиц доступны для машин, остальные засыпаны кирпичом, камнями, землёй. В Ла-Валетте очень много церквей, большею частью это старинные храмы, построенные здесь мальтийским рыцарским орденом госпитальеров. Эти памятники старины сильно пострадали от бомбёжек.

Горы изрыты пещерами, там живут укрывающиеся от бомбардировок люди. Мальтийский камень мягок, как губка, он легко режется и очень удобен для постройки жилищ. С самого начала войны население Мальты превратилось в пещерных людей. От сырости и недоедания появились болезни, но духом люди не падают. Исхудалые, озабоченные женщины хлопочут у домашних очагов. Только дети, мальтийские дети, весёлые, как вся детвора, что-то строят из песка, ездят верхом на палке и просят есть.

На улице Виктория моё внимание привлекает небольшой, недавно выстроенный домик. На домике крупными буквами написано: «Сталинград».

На пороге меня встречает смуглая женщина, мать многочисленного семейства. Узнав, что я русский, она приглашает меня войти.

— Как у вас появилась эта надпись? — спрашиваю я женщину.

— Вот посмотрите, — отвечает она, — что осталось от нашего старого хорошего дома: куча камней. Всё добро пропало; счастье, что хоть сами остались живы. Я с детьми перешла жить в пещеру. Детей у меня много, и все маленькие, мой муж за был запах табака, а дети забыли вкус молока. Транспорт с продовольствием не приходили, а немцы бомбили по нескольку раз в день. От недоедания и сырости дети начали болеть, я сама еле передвигала ноги. Думала, что приходит конец. Но тут по радио мы узнали, что Красная Армия победила много немцев под Сталинградом и продолжает наступать. Бомбёжки стали реже, подошли суда с продовольствием, и наше положение сразу стало лучше. Я решила построить маленький домик и перебраться сюда из пещеры. Вот почему на своём домике я и написала «Сталинград».

Маленькая, черноглазая девчонка, уцепившись за юбку матери, внимательно меня рассматривала. Слова «Сталинград» она ещё не понимала. «Сталинград» для неё означал просто дом, новый, светлый, где было куда лучше жить, чем в землянке.

* * *

...Шесть дней промелькнули. Я снова над морем, в обратный путь. Прощай, Мальта!

17 августа

Американские войска, действующие на о. Сицилия, заняли Мессину.

18 августа

В Норвегии введено осадное положение. Опубликован приказ командующего германскими оккупационными войсками в Норвегии об отправке всех норвежских офицеров в концлагери в Германию.

23 августа

Войска Красной Армии в результате ожесточённых боёв сломили сопротивление противника и штурмом взяли Харьков.

24 августа

Закончилось англо-американское военное совещание, открывшееся 11 августа в Квебеке. Опубликована совместная декларация Рузвельта и Черчилля.

25 августа

В Берлине объявлено, что мини-

Хроника международных событий

август 1943 г.

стром внутренних дел и генеральным уполномоченным по германской администрации назначен Гиммлер с оставлением его в должности руководителя СС и начальника германской полиции.

26 августа

Советское правительство признало Французский Комитет Национального Освобождения, «как представителя государственных интересов Французской Республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании». Советское правительство решило обменяться с Комитетом полномочными представителями.

28 августа

В Болгарии официально объявлено, что царь Борис «после кратковременной болезни» умер. Царём Болгарии провозглашён наследный принц Симеон, шести лет от роду. Вопрос о регентстве будет определён болгарским советом министров.

Опубликованы сообщения о признании Французского Комитета Национального Освобождения правительствами Великобритании и США.

29 августа

Во всей Дании введено военное положение. В страже происходят столкновения с немецкими войсками, акты диверсий и саботажа.

30 августа

Красная Армия в результате блестяще проведенной операции освободила от немецко-фашистских захватчиков город Таганрог.

ЖУРНАЛ

„ВОЙНА

и

рабочий класс“

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

★

ЖУРНАЛ освещает вопросы внешней политики СССР и иностранных государств и актуальные события международной жизни.

★

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ учёные, писатели, журналисты, руководители профсоюзного движения и другие общественные деятели.

★

ЖУРНАЛ распространяется по индивидуальной подписке и продаётся в газетных киосках.

Цена отдельного номера 2 рубля.

★

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА:
Москва, Арбат, Калашный переулок, 12.
ТЕЛЕФОНЫ: К 5-36-07; К 4-75-34;
К 5-54-90 и К 3-93-57.